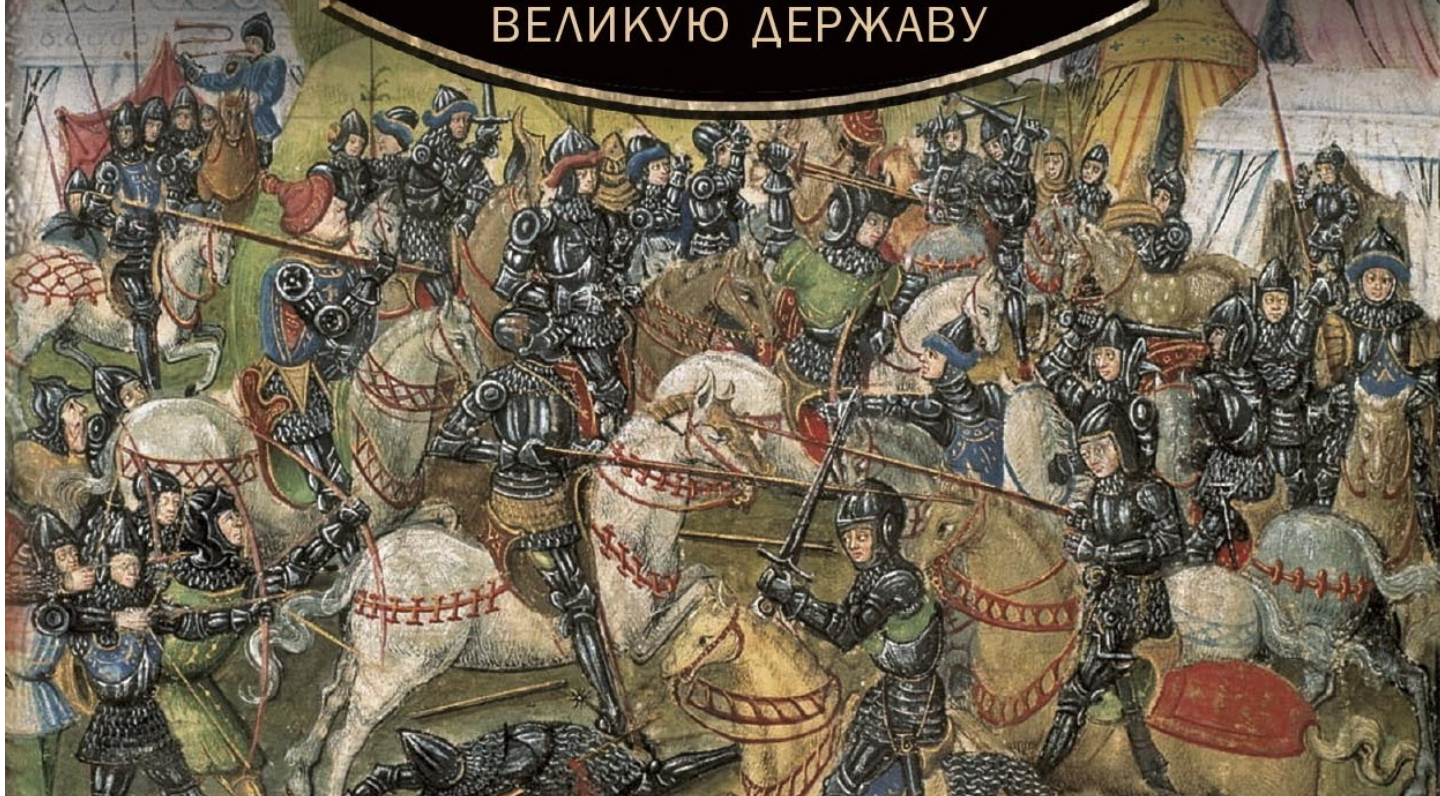

АРТУР ЛЕСЛИ МОРТОН

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

КАК НАРОД СОЗДАЛ
ВЕЛИКУЮ ДЕРЖАВУ

Артур Лесли Мортон

**История Англии. Как народ
создал великую державу**

1938

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

Мортон А.

История Англии. Как народ создал великую державу /
А. Мортон — 1938

ISBN 978-5-9524-5691-4

Англия — первая в мире промышленно развитая держава, родина блестящих изобретателей, первооткрывателей и банкиров, давшая миру образцовое законодательство и основы конституции. Британский прогрессивный историк Артур Л. Мортон рассматривает пути развития Туманного Альбиона со времен кельтов и иберийцев и Нормандского завоевания до Первой мировой войны с точки зрения исторического материализма и убедительно доказывает, что во все времена именно народ вершил политику, формировал социальные институты и являлся главной движущей силой прогресса. В этой книге изложена поистине народная история Англии — живая, актуальная и поучительная. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-9524-5691-4

© Мортон А., 1938

Содержание

Глава I	6
1. Иберийцы	6
2. Кельтские племена	10
3. Римская Британия	13
4. Падение римского владычества	17
Глава II	19
1. Англосаксонское нашествие	19
2. Тауншип[2]	24
3. Христианство	26
4. Скандинавы	30
5. Конец саксонского периода	35
Глава III	39
1. Нормандское завоевание	39
2. Социальная структура Англии времен «Книги Страшного суда»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Артур Лесли Мортон История Англии. Как народ создал великую державу

*Моему отцу, который помог мне куда больше, чем он мог себе это
представить*

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2024

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2024

Глава I

Племена и легионы

1. Иберийцы

Ранние карты мира изображают Британию отдаленным форпостом, некой бесформенной группой островов, дрейфующей в океане. Однако на некоторых картах юго-западное побережье этих островов в значительной степени приближается к северу Испании, напоминая нам, что еще гораздо раньше, за столетия до составления каких-либо дошедших до нас карт, Британия располагалась не на краю света, а на оживленном торговом пути, который соединял средиземно-морскую цивилизацию с Севером, поставлявшим янтарь. Именно по этому длинному морскому пути, а не через Дуврский пролив или Ла-Манш цивилизация впервые достигла британских берегов.

В Корнуолле, в Ирландии и вдоль побережья Уэльса и Шотландии можно видеть скопления памятников, оставленных иберийцами или людьми мегалитической культуры, добравшимися до Британии и населившими ее в промежуток от 3000 до 2000 г. до н. э. Конечная группа таких памятников в Сатерленде, последнем пункте, к которому приставали их корабли перед тем, как отправиться через Северное море в Скандинавию, проясняет маршрут и его назначение. В то время еще продолжалось начавшееся приблизительно за тысячелетие до этого оседание земли, и явно более короткий и безопасный путь вверх по Ла-Маншу и вдоль европейского берега был закрыт если не сухопутным мостом, соединявшим Британию с континентом, то узкими проливами – перемещающимися, мелководными и захваченными быстрыми приливами. Первоначально, возможно, именно по этой причине иберийцы решили поселиться в Британии.

Хотя об иберийцах периода неолита имеется мало точных сведений, все же о них можно судить с достаточной достоверностью, поскольку они оставили четкие следы своего пребывания на британской земле. Более того, они внесли основной вклад в современное население Британских островов, особенно в Ирландии, Уэльсе и на западе Англии. Мелкорослый, смуглый и длинноголовый народ, они селились преимущественно на меловых склонах холмов, лучами расходящихся от равнины Солсбери. Ниже гребня этих холмов идут их дороги, такие как Нильдский путь и Путь Паломника, которые являются самыми древними и наиболее известными историческими дорогами Англии. На склонах холмов и вдоль дорог расположены длинные курганы, крупные земляные сооружения, такие как, например, венчающие Сиссбери и Долебери, и круглые каменные сооружения, самое грандиозное из которых – Эйвбери, а наиболее известное – Стоунхендж. Именно по этим памятникам и спускающимся вниз террасам, устроенным иберийцами для земледелия, мы можем строить догадки о том, что это были за люди.

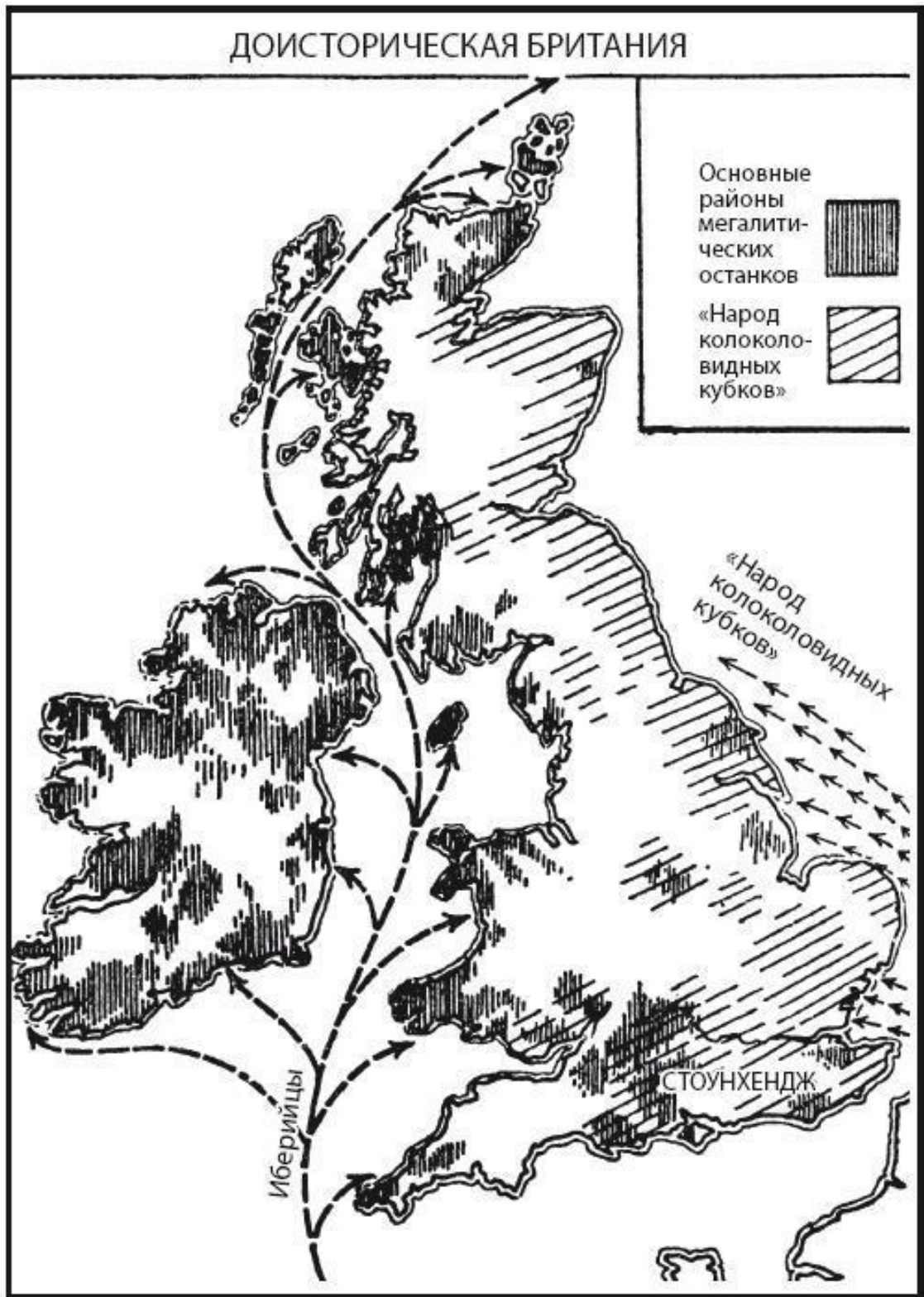
Размеры и величие их памятников свидетельствуют о многочисленности и хорошей организованности этого народа. По всей вероятности, тысячи людей работали совместно на постройке огромных земляных сооружений; их селения связывала упорядоченным образом проложенная сеть дорог. Так, Нильдский путь соединяет промышленный центр Граймз-Грейвз, то место, где были сосредоточены крупные каменоломни в Норфолкском Брекленде, с религиозным центром Эйвбери. Спускающиеся по склонам террасы свидетельствуют об интенсивном земледелии с применением мотыги и лопаты. Весь уклад иберийской цивилизации говорит о наличии некоторой специализации и о разделении труда, которые позволяли, напри-

мер, жителям Норфолка добывать и обтесывать кремень, торговля которым велась по всей стране.

Более прямым свидетельством существования социальной структуры иберийцев являются длинные могильные курганы. Зачастую достигавшие длины более 200 футов, эти холмы служили местом погребения и доказывают наличие резко выраженного классового разделения. С одной стороны, бесспорно, должны были существовать вожди или знать, чтобы для них устраивали такие пышные захоронения. С другой стороны, необходимо было наличие избыточного количества людей, чей дешевый, возможно, даже рабский труд мог быть использован на подобных работах. Если бы удалось точно установить, что огромные пирамидальные курганы в Силбери и Мальборо служили также могильными погребениями, было бы разумно сделать вывод о существовании некоего подобия королевской власти.

Наконец, существуют некоторые доказательства того, что иберийская культура носила в основном мирный характер. Немногие находки можно отнести к оружию и к предметам более раннего периода, чем первое нашествие кельтов в позднем бронзовом веке. Также нет достаточных оснований для предположения, что земляные сооружения, возведенные на склонах холмов, служили крепостями.

Распространение определенного типа орудий и домашней утвари свидетельствует о том, что иберийцы вели обширную сухопутную и морскую торговлю между Великобританией и Испанией и даже с другими средиземноморскими странами. Мы не можем точно сказать, были ли тогда известны какие-нибудь другие металлы помимо золота, которое добывалось в Ирландии, поскольку чрезвычайно трудно провести четкое разграничение между неолитическим периодом и ранним бронзовым веком. Вскоре после 2000 г. до н. э. новый народ альпийской расы – малой расы в составе европеоидной расы, вторгся в страну, на этот раз с юго-востока и востока. По своей характерной керамике (керамические кубки в форме перевернутого вверх дном колокола) они известны как народ колоколовидных кубков. Эти люди определенно были знакомы с применением и обработкой бронзы. Два народа были близки по культуре, и новые пришельцы распространились по восточному побережью, по всей Восточной Англии и вверх по долине Темзы. Иберийцы и альпийцы встретились и смешались в районе Уилтшира, который являлся центром всей докельтской цивилизации в Британии. Вероятно, именно это слияние незадолго до нашей эры породило Стоунхендж. В течение этого периода в Корнуолле и Уэльсе добывали и, возможно, вывозили оттуда в большом количестве олово, медь и свинец.

И хотя во время раннего и среднего бронзового века цивилизация страны достигла довольно высокого уровня, она распространялась лишь на незначительную часть Британии. Горные районы Запада и Севера оставались, как и в наше время, мало населенными. Что еще более примечательно, большая часть низменной территории, которая сегодня предоставляет самые богатые сельскохозяйственные угодья, оставалась также нетронутой. Тогда дубовые и ясеневые леса и густые непроходимые кустарники покрывали эти земли. Такие леса, произ-

раставшие на сырой, глинистой почве, представляли собой непреодолимое препятствие для людей, вооруженных только каменными или даже бронзовыми орудиями. Эти леса оставались фактически нетронутыми вплоть до римского завоевания и не расчищались до тех пор, пока Британию не завоевали саксы. Доисторический человек предпочитал селиться на сухих меловых возвышенностях не потому, что они были наиболее богатыми, а потому, что они являлись наилучшими из тех мест, которые он мог освоить с помощью имевшихся у него тогда орудий. И только с появлением сыгравшего грандиозную роль железного топора были покорены более плодородные, но более густо поросшие лесами низины.

2. Кельтские племена

Вскоре после 700 г. до н. э. в Британию вторглась первая волна кельтских завоевателей, возможно пришедшая с верховьев Рейна. Эти вторжения являлись частью широко распространенного движения на запад высоких, светловолосых и воинственных племен, которые захватили средиземно-морскую цивилизацию так же, как более поздние тевтоны захватили Римскую империю. Это движение началось во втором тысячелетии до н. э., когда варварские племена переняли у средиземноморских народов пользование бронзой и применили свои знания для изготовления оружия, намного более совершенного, чем оружие их учителей. В Британии самым ярким признаком этого служит появление листообразного меча, заменившего менее эффективные ножи и кинжалы раннего и среднего бронзового века.

Ранней частью этого движения было проникновение в Эгейское море греческих племен, но кельты распространились вплоть до самой Испании и Малой Азии. Примерно около 390 г. до н. э. кельтские племена разграбили Рим и основали царство на плодородной Ломбардской равнине. О характере этих нашествий можно судить по описанию Цезарем его войны с гелльетами, которые пытались пройти маршем через Галлию, дабы избежать нападений со стороны германских племен из-за Рейна. Это было передвижение крупных племен, состоявших из свободных воинов, возглавляемых племенными вождями и сопровождаемых большим количеством женщин и детей. Это было скорее переселение народов, чем набеги воинственных отрядов, и конечной целью их являлся не столько грабеж, сколько завоевание и заселение новых мест.

Первыми кельтскими завоевателями Британии были гойделы или гелы. Примерно двумя столетиями позже за ними последовали бритты – ветвь кельтов, которая научилась использовать железо и которая изгнала своих родичей, пользовавшихся бронзой, с юга и востока в Уэльс, Шотландию, Ирландию и в холмистые области Пеннина и Девона. Третья волна завоевателей, белги из Северной Галлии, включавшие в себя, вероятно, значительное количество тевтонов, прибыла около 100 г. до н. э. и заняла большую часть земель, теперь известных как внутренние графства.

Смещение кельтских завоевателей с их иберийскими предшественниками в различных частях страны носило разный характер. В то время как на западе доминировали иберийцы, кельты сумели навязать свою племенную организацию, до некоторой степени измененную фактом завоевания, на территории всех Британских островов.

На этом этапе необходимо дать основную характеристику этого уклада, поскольку мы сможем лучше понять всю историю следующего тысячелетия, если будем рассматривать его с точки зрения постепенного ослабления и распада родового общества, которое закончилось заменой его феодализмом. С этой точки зрения римское завоевание следует рассматривать как прерывание этого процесса, за исключением тех случаев, когда это ослабляло кельтскую племенную структуру. В первую очередь это относится к тем частям страны, которые первыми подвергались набегам последующих завоевателей.

Структура племенного общества уходит корнями в период даже более ранний, чем тот, который мы исследуем. На протяжении большей части каменного века – обширного периода, начавшегося с появления самого человека, – производственная система общества представляла собой примитивный коммунизм. Вся еда для социальной группы, все убитые животные, пойманная рыба – все это добывалось совместно и совместно же потреблялось. Общественной группой, совместно занимавшейся всеми этими видами деятельности, являлась особая родственная группа. Во времена иберийцев основной сходной по кровному родству группой была, по-видимому, родовая группа, объединявшая потомков общих прапрадедов. Размеры обнаруженных во время раскопок поселений на юге и юго-западе Англии и относящихся к этому периоду подтверждают данное предположение.

Это раннее общество, однако, не просто состояло из ряда мелких родственных групп без экономических и общественных связей друг с другом. На самом деле существовали очень тесные отношения, которые объединяли их в более многочисленные группы, которые мы называем родами и племенами. Первым видом взаимодействия между ними служил обмен товарами, прежде всего едой. По аналогии с австралийскими общественными группами современности можно предположить, что этот обмен основывался на примитивном разделении труда, который давал возможность определенным группам специализироваться на конкретных продуктах охоты. Другая крайне важная форма межродственного сотрудничества заключалась в обмене женихами и невестами. Для родовой группы считалось нормальным явлением находить себе мужей или жен вне своей группы, скорее всего, в таких других группах, которые были связаны с ними упомянутым ранее обменом пищи.

По сути, род являлся группой огромного общественного значения. Человек без рода был подобен рыбе, извлеченной из воды, – беспомощным и обреченным на гибель. Род не только составлял единственно возможную основу его экономической жизни, но он также защищал его от всех превратностей сурового примитивного существования. Если человек убивал или ранил кого-то из другого рода, его собственный род либо выплачивал компенсацию (по-английски «вергельд», по-валлийски «галанас»), либо оказывал поддержку его в родовой вражде, если пострадавший род отказывался от компенсации. Если человек убивал кого-либо из своего собственного рода, его объявляли вне закона. Эта жизненно важная роль рода продолжалась в течение очень длительного периода времени. Например, в Англии род по-прежнему оставался организацией, сохранявшей значительную силу, еще накануне нормандского завоевания. До сравнительно недавнего времени род продолжал иметь большое значение в Уэльсе, Шотландии и Ирландии.

Многие другие институты родового общества, подобно роду, сохранились очень надолго и существовали еще значительно позже того периода, когда первобытный коммунизм был заменен, как основная форма экономической организации и социальных отношений, на рабство или феодализм. Сельские общины, которые окончательно были уничтожены только капиталистической промышленной революцией, во многих отношениях представляют тот же самый первобытный коммунизм, существовавший много веков назад. Ограничения в отношении свободного распоряжения земельной собственностью в виде различных законов о наследовании сохранились еще со времен родового строя. Многие права средневековых английских королей были получены ими не из их фактического положения лидеров феодальных баронов, а из прежнего их положения вождей племени во время войн. Геральдика представляет собой остаток тотемизма племенного общества. И наиболее важные элементы европейской литературы Средневековья были унаследованы из племенного эпоса и саг греческих, германских и кельтских миров.

Основой кельтского племени являлись родовые группы, которые, в свою очередь, объединялись, образуя более многочисленные группы, также связанные настоящим или предполагаемым родством, постепенно вырастая в племена и народы. Но основой экономической жизни кельтов все же являлась родовая группа. Кельты занимались разнородным сельским хозяйством и первыми в Британии ввели в пользование плуг. Кельтский плуг был небольшим и легким, так что поля приходилось пропахивать дважды, чтобы борозды пересекались. Этим и объясняется квадратная форма кельтской системы полей, по сравнению с полосами полей более поздней системы, обрабатываемых тяжелыми плугами. Участок (гвели) кельтской родовой группы являлся совместной собственностью группы и делился между взрослыми мужчинами, каждый из которых помогал в общинной вспашке и уборке урожая. Важным моментом является то, что, хотя гвели мог делиться почти до бесконечности, все же он оставался собственностью всего рода и тщательно сохранялся в качестве экономической единицы. В то же самое время, когда род становился слишком многочисленным, часть его обычно отделялась и

селилась на новом гвели где-либо в другом месте. С этим не возникало проблем, поскольку земли хватало на всех, хотя могла возникать нехватка расчищенной земли.

Способ обработки земли у кельтов был достаточно примитивен, и их вспашка зачастую была не более чем царапанием поверхности почвы. И все же прогресс в использовании металлов и техническое усовершенствование плуга давали им возможность осваивать новые места. К самому концу кельтского периода белги ввели революционное новшество – тяжелый плуг, в который впрягали по четыре или даже восемь волов. Хотя сырые дубовые леса все еще оставались нерасчищенными, именно в этот период началось движение поселений вниз к долинам, которое оставило равнины Солсбери, Даунс и Норфолк-Брекленд почти безлюдными овечьими пастбищами.

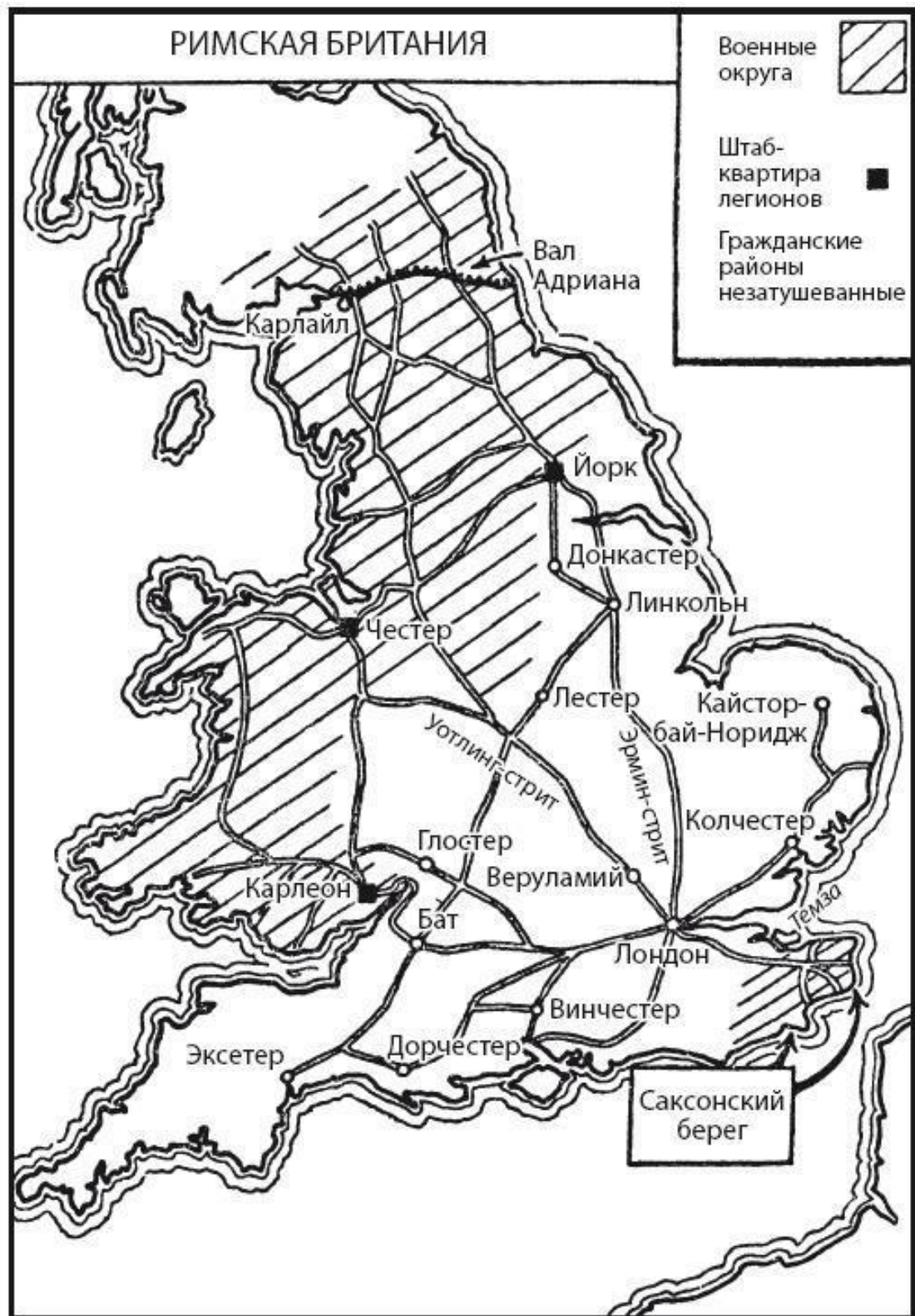
Хотя кельтское племенное общество нельзя назвать бесклассовым, его классовое деление не являлось резко выраженным и не имело решающего значения. Различие между вождем и свободным членом племени было скорее по положению, чем по происхождению, существующие социальные различия, по-видимому, являлись прежде всего результатом подчинения местного населения. Маловероятно, что это приняло форму рабства, разве что при исключительных обстоятельствах. Техника производства была все еще настолько примитивной, что рабство стало экономически возможным. Судя по валлийским законам, два народа жили бок о бок в свободных и подчиненных селениях и гвели. Местное население зависимых гвели, по-видимому, эксплуатировала не масса свободных земледельцев, а непосредственно вожди и землевладельцы, появившиеся после того, как произошло заселение. Бесспорно, возможность эксплуатировать труд этой большой группы полурабов положила основу укрепления власти вождей и стала все более резко выделять их из общины свободных соплеменников.

Появление белгов положило начало новой важной стадии развития кельтской Британии. По сравнению с бриттами, белги более интенсивно занимались земледелием, и юго-восток Британии скоро стал, по определению Цезаря, страной выращивания зерна. Одновременно начали возникать города, например Сент-Олбанс и Колчестер. Хотя эти города представляли собой не более чем большие, укрепленные частоколом деревни, они являлись разительным контрастом открытым селениям и изолированным усадьбам более ранних пришельцев. Белги поддерживали тесную связь с Галлией, и постепенно развилась регулярная, хотя и не слишком обширная, торговля. Наряду с этим появились первые местные чеканные деньги. Прежде бритты пользовались в качестве денег железными слитками (*Currency iron bars* – длинные, узкие, плоские полоски железа со слегка сужающимся лезвием), по виду напоминающими полуобработанные тупые мечи, но теперь стали чеканить золотые монеты по типу македонских статеров, привезенных купцами с континента. Любопытно отметить, что с каждой новой чеканкой эти монеты становились все более грубыми, но это ничто по сравнению с тем, что в Англии в период от окончания римского завоевания до царствования Эдуарда III было отчеканено всего несколько золотых монет. С ростом сельского хозяйства, торговли и городов могущественные вожди стали претендовать на господство на обширной территории. Во время нашествия Цезаря в 53 г. до н. э. вся Юго-Восточная Британия считалась подчиненной некоему Кассивелавну, столицей которого, вероятно, был Колчестер.

3. Римская Британия

Британия привлекла внимание римлян прежде всего своей тесной связью с Галлией. Покорив Галлию, Цезарь вскоре услышал рассказы о жемчуге и зерне, которыми была богата Британия. В то же время экспорт олова из Корнуолла, который начался, возможно, уже за 2000 лет до н. э., по-прежнему продолжался. Однако вторжения Цезаря были продиктованы скорее стратегическими, чем экономическими соображениями. Британия являлась центром, из которого Галлия поддерживала сопротивление римскому владычеству. Британские воины переправились через Ла-Манш, чтобы помочь своим галльским сородичам, и мятежники из Галлии находили убежище и поддержку среди британских племен. Маловероятно, чтобы в тот период римляне стремились завоевать Британию, но им необходимо было организовать своего рода карательную экспедицию, прежде чем римская оккупация Галлии могла свершиться.

Римский империализм, основанный на хищнической эксплуатации провинций, требовал непрерывного продвижения вперед, чтобы предотвратить упадок центральных областей, становившихся теперь все более паразитическими. Но в 55 г. до н. э. Галлия была недавно завоевана, освоение и разграбление страны римскими купцами и прочими дельцами только что началось. И лишь по прошествии почти целого столетия Рим оказался готовым для освоения новой провинции – Британии. Позже мы увидим, что неспособность продолжать этот процесс поглощения перед лицом возрастающего сопротивления и привела к падению Римской империи.

В любом случае два нашествия Цезаря были не более чем вооруженной разведкой. Первое нашествие осуществлялось летом 55 г. до н. э. силами двух легионов и отряда кавалерии, состоявшими в общей сложности примерно из 10 тысяч человек. Нападающие добились некоторых успехов, но сопротивление оказалось сильным, и на следующий год вторглась армия, насчитывавшая уже приблизительно 25 тысяч человек. Она перешла Темзу и штурмом взяла столицу Кассивелагна. Затем Цезарь вернулся, прихватив заложников и заручившись обеща-

нием о выплате ему дани. Нет никаких свидетельств о том, что это обещание когда-либо было выполнено.

За девяносто лет между этими набегами и нашествием в 43 г. н. э., когда началось настоящее завоевание Британии, произошло много изменений. Раскопки показывают, что в течение этого периода продолжалось экономическое проникновение в Юго-Восточную Британию. Торговля приняла значительные размеры, зерно и шкуры животных обменивались на гончарные изделия и различные предметы роскоши. Множество торговцев и колонистов селилось в разных городах, вследствие чего города настолько разрослись, что в 50 г. н. э., всего лишь через семь лет после нашествия Клавдия, Сент-Олбанс или Веруламий получил статус римского муниципия с гражданским самоуправлением и правами римского гражданства для его жителей. Высшие классы Британии принялись подражать римскому образу жизни и даже строить нечто вроде примитивного подобия римских каменных вилл.

Когда Бодика (*лат.* Боадицея) подняла на восстание иценов в 60 г. н. э. и разрушила Веруламий, Камулудун (Колчестер) и Лондиний (Лондон), по оценкам (возможно, завышенным) одного римского историка, в этих городах погибло около 70 тысяч человек. Это было самое упорное сопротивление, с которым римляне столкнулись на юге Великобритании. Несомненно, та легкость, с которой они завоевали эту страну, объясняется главным образом экономическим проникновением предыдущего столетия и последующим распадом кельтской племенной организации.

Римское владычество в Британии, продолжавшееся почти 400 лет, ставит перед историками два важных и тесно связанных между собой вопроса. Насколько полным был процесс романизации? И насколько продолжительными оказались его результаты?

Римская Британия разделялась на две части: гражданский или равнинный район и горный или военный район. Уэльс и вся площадь к северу и западу от района Пик вплоть до Римского вала, который тянулся от устья реки Тайн до Карлайла, представляли собой последний. Оккупация района севернее Римского вала бывала лишь случайной и редкой. Относительно характера оккупации военных районов не возникает никаких сомнений. Сеть дорог, утыканных военными фортами, покрывала всю область. Севернее Йорка и западнее Честера и Карлеона не имелось ни одного более или менее значительного гражданского города. Здесь располагались три легиона: один в Йорке, один в Честере и один в Карлеоне. Римский вал усиленно охранялся гарнизоном вспомогательных войск. В провинции содержался постоянный гарнизон, общей численностью около 40 тысяч человек.

На коренное население военных районов оккупация оказала не слишком большое влияние, за исключением, может быть, того населения, которое проживало вдоль Римского вала и вокруг главных стоянок войск. Вплоть до 200 г. н. э. они часто поднимали восстания, и нет никаких оснований предполагать, что их экономическая или племенная организация подверглась серьезному вмешательству, поскольку столетия спустя она снова появляется в первозданном виде в самых ранних законах Уэльса. Вся местность выглядела бедной, унылой и холмистой, так что жадность завоевателей мало что привлекало.

В гражданских районах ситуация выглядела совсем по-иному. Британия высоко ценилась как производитель зерна, и ежегодно груженые зерном корабли уходили в Галлию вплоть до 360 г. н. э., когда внезапное прекращение этих рейсов послужило одним из самых зловещих признаков упадка римского могущества.

Вдоль римских дорог выросло множество городов. Пять из них стали муниципиями: Веруламий, Камулудун, Эбурак (Йорк), Линкольн и Глостер. Лондон, который по какой-то непонятной причине никогда не получал статуса муниципия, был крупнее любого из них и стал наиболее важным торговым центром в Северной Европе. Между городами располагались виллы и загородные дома римских или британских вельмож. Эти виллы служили не только местом отдыха и забав, но и центрами сельскохозяйственных угодий. Британские высшие

классы стали полностью романизованными и из кельтских племенных вождей превратились в римских землевладельцев и чиновников.

Все это нам хорошо известно; но остается невыясненным, насколько глубоко римские обычаи, латинский язык и римский способ производства повлияли на население, проживавшее за стенами городов. Основой римского сельского хозяйства являлись крупные поместья, обрабатывавшиеся главным образом полурабами, колонами, которым разрешалось возделывать для себя клочки земли в обмен на фиксированную ренту или на поденщину на хозяйских полях. Такая система стала повсеместной в конце Римского периода, когда уменьшение населения и невозможность найти новые ресурсы для пополнения рабов крайне обострили вопрос о рабочей силе. Почти наверняка эта система также применялась и в Британии и существовала наряду с кельтской родовой организацией сельского хозяйства даже в наиболее заселенных районах.

В период римского владычества были расчищены большие лесные массивы. Вдоль рек и дорог, а также по краям лесов вырубались просеки; потребность в топливе для питания сложного устройства центрального отопления на виллах служила, должно быть, мощным фактором в этом процессе. Мы приходим к заключению, что римский порядок и энергичность римлян радикально изменили весь уклад гражданских районов и что жизнь всего населения стала строиться по римскому образцу. Не имеется никаких данных, свидетельствующих о существовании какого-либо национального сознания или о том, чтобы в тот период жители считали себя бриттами, а не подданными римских провинций.

И все же влияние римского господства оказалось поразительно нестойким. Сохранились дороги. Сохранились города, но они опустели, и нет свидетельств тому, что в каком-нибудь из римских городов после англосаксонских набегов постоянно проживало население. Вполне возможно, что экономическая структура виллы внесла свою лепту в уклад английского города и феодальной усадьбы. И наконец, христианство, установленное легионерами, оставалось религией, исповедуемой в тех частях Британии, которые избежали англосаксонского завоевания. Оттуда христианство проникло в Ирландию, где оно приобрело специфичный родовой характер и в конечном счете наложило сильный отпечаток на формирование культуры королевства англов – Нортумбрии.

4. Падение римского владычества

Крушение Римской империи произошло из-за уникального сочетания внутренних и внешних причин, которые имели очень глубокие корни, и их влияние сказывалось весьма медленно. Даже в период наибольшего своего могущества империя страдала серьезными недугами, и, когда средства, предназначенные для облегчения этих недугов, нельзя было больше применять, начался устойчивый процесс распада.

Поначалу Италия являлась страной мелких земледельцев-крестьян, и города ее представляли собой не более чем торговые центры, обеспечивающие их потребности. Со времени войн, происходивших между Римом и Карфагеном (264–200 гг. до н. э.), крестьянские участки были уничтожены и заменены огромными поместьями, на которых трудились партии рабов. Италийских крестьян согнали с земли точно так же, как это сделали с английскими крестьянами в период между XVI и XVIII веками. Но если в Англии уничтожение крестьянского сельского хозяйства сопровождалось ростом капиталистической промышленности в городах, в Италии этого не случилось. Промышленность оставалась на крайне низком уровне, и в ней применялся почти исключительно рабский труд. В результате произошло быстрое развитие купеческого и ростовщического капитала при отсутствии соответствующей промышленной базы. В связи с этим, особенно в самом Риме, появились паразитирующие пролетарии, которые обладали гражданскими правами, но не имели устойчивых средств к существованию. Массовое разложение этой черни купцами и откупщиками, сменившими старую аристократию к концу республики, потребовало постоянной экспансии для захвата новых провинций, ограбление которых только и могло обеспечить существование как пролетариев, так и имущих классов.

Эти провинции сами нуждались в пополнении армии рабов, от которых зависела вся римская экономика. Производительность труда рабов всегда оставалась очень низкой, и римская армия рабов не могла обеспечить свое воспроизводство, что приводило к постепенному уменьшению населения как в провинциях, так и в центре. Когда завоевания новых владений достигли таких размеров, что стало уже невозможным удерживать их военным путем и ассимилировать новые территории, упадок стал неизбежен, хотя в течение некоторого времени он маскировался усовершенствованными методами эксплуатации, например заменой рабского труда крепостным трудом раннего периода. Политическая организация в форме военной диктатуры усугубляла слабость империи, поскольку соперничавшие провинциальные полководцы постоянно враждовали между собой, пытаясь использовать свои легионы для захвата императорской короны. Отдаленная от центра и изолированная Британия особенно страдала от этого, поскольку из нее периодически выкачивалась живая сила, чтобы поддержать притязания таких авантюристов, как Максим (383) и Константин (407).

В течение долгого времени империя продолжала существовать благодаря скорее отсутствию какой-либо внешней силы, достаточно мощной для нападения, чем своей собственной мощи. В IV в. целый ряд миграционных перемещений народов на запад через степи Азии и Европы привел в движение германские племена, ближе всего проживавшие к римским границам. Вся последовательность событий остается туманной, но в главном мы можем проследить переселение на запад из Средней Азии монгольского племени гуннов, которое, возможно, явилось следствием того, что их пастбища превратились в пустыню из-за климатических изменений. Поначалу приход германских племен в империю, где они поглощались и частично романизировались, разрешался и даже поощрялся. Постепенно же, по мере увеличения давления, централизованная власть над отдаленными провинциями ослабевала; и одна за другой провинции подвергались набегам варварских племен, которые основали там независимые царства разного вида – одни в основном римские по культуре и языку, а другие – почти целиком варварские.

Британия, как одна из наиболее отдаленных и уязвимых провинций, отпала одной из первых и почти совершенно утратила свой римский характер.

Первые нападения последовали не со стороны германских племен через Северное море, а со стороны непокоренных кельтов – гойделов Шотландии и Ирландии. Что само по себе свидетельствовало об упадке Римской империи, так как такие нападения прежде с легкостью отбивались. После мирного периода 250–350 гг. Британию до самых стен Лондона охватила серия набегов. Виллы были сожжены дотла и разграблены, и примерно после 360 г. их уже редко восстанавливали. Обнесенные стенами города держались дольше, однако не удалось найти монет периода более позднего, чем 420 г., например в Силчестере, где был найден неотесанный камень с огамической надписью, свидетельствующей о том, что кельтский трайбализм утверждал себя еще до англосаксонского вторжения.

Однако даже после первых вторжений римляне смогли частично оправиться, но в 407 г. два важных события положили конец долгому периоду римской оккупации. Первым послужил уход Константина, находившегося в Британии с основными войсками, чтобы попытаться захватить императорский престол. Вторым – переход через Рейн в Галлию большого числа германских племен, которые отрезали Британию от римского мира и предотвратили возвращение или замещение ушедших легионов.

Принято считать, что 407 г. отмечает собой «уход римлян», и в некотором смысле это так. И все же никакого преднамеренного плана ухода из Британии у римлян не было. Константин всего лишь намеревался прибавить новые провинции к той, которой уже владел, и то, что его легионам не удалось вернуться, можно рассматривать едва ли не как простую случайность. Однако именно с этой даты прекратилось регулярное прибытие новых имперских губернаторов и чиновников. Жителям Южной и Восточной Британии, у которых родовая организация была уничтожена, а новая цивилизация серьезно ослаблена, предстояло самим обеспечить управление и способ защиты от своих населявших отдаленные части островов соплеменников, которые никогда не были покорены.

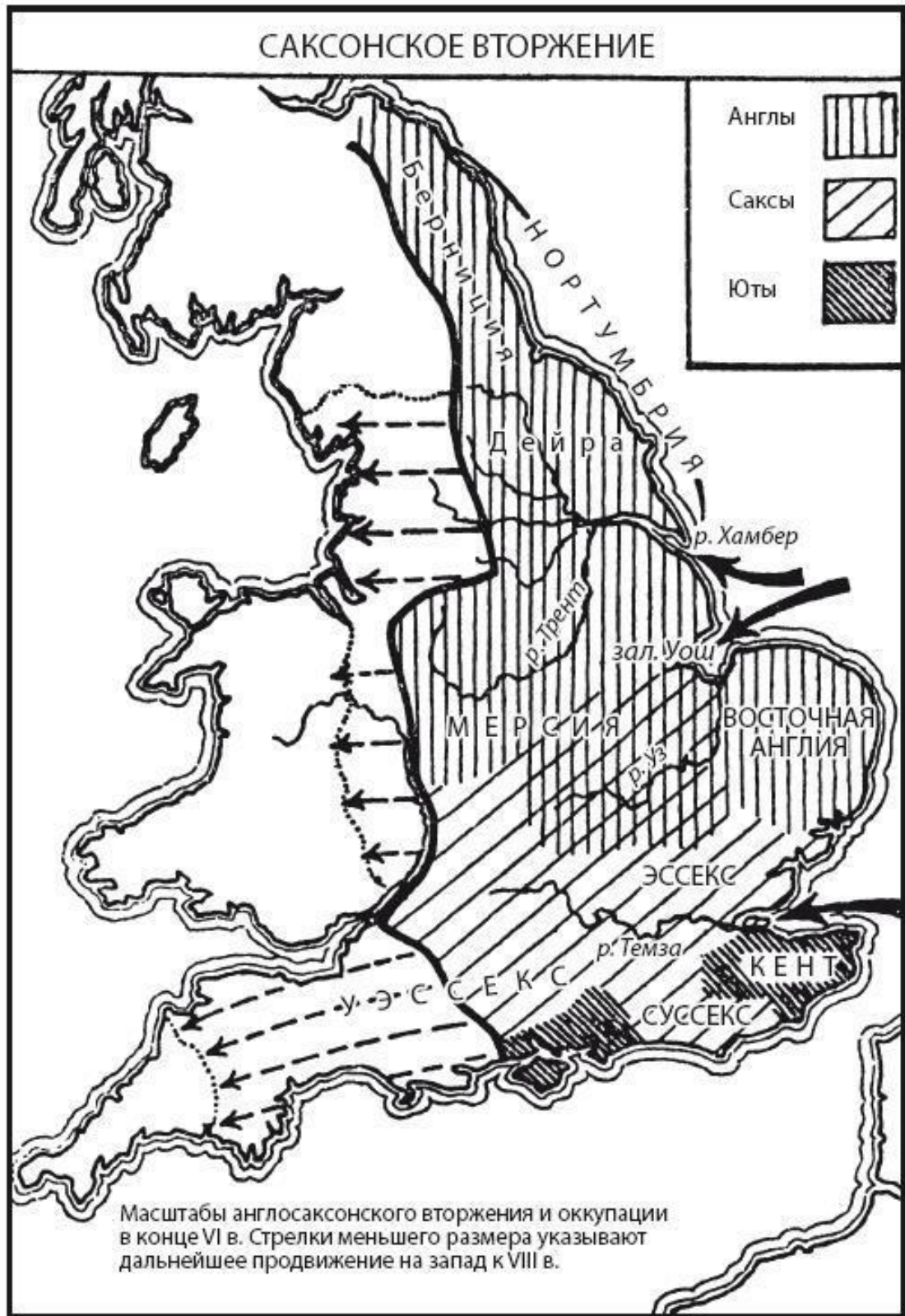
Когда около 450 г. появился новый враг, англосаксонские племена с германского побережья, которые уже завоевали дурную славу своими дерзкими набегами и теперь намеревались захватить Британию и поселиться в ней, многое из того, что было достигнуто римлянами, оказалось уничтоженным. Богатейшая и наиболее культурная часть острова, на которой высадились англосаксы, была разорена еще до их прихода. Централизованное управление исчезло, и вместо него началась смута из мелких княжеств, находившихся под властью местных землевладельцев или магнатов во главе вооруженных отрядов, которые были почти столь же губительны для народа, как и враги, от которых они должны были его защищать. В значительной степени именно по этой причине в Британии сохранилось так мало следов римского владычества, а англосаксонское завоевание оказалось таким окончательным.

Глава II

Развитие феодализма

1. Англосаксонское нашествие

Период между 407 г., когда Константин увел свои легионы, и 597 г., когда Августин высадился в Кенте, принеся с собой не только христианство, но и возобновление связей Британии с современной Европой, остается почти неизвестным. До нас не дошло никаких письменных свидетельств того времени, кроме печального трактата монаха Тильда Премудрого «относительно гибели Британии», хоть и написанного в 560 г., но имеющего весьма приблизительное отношение к истории. Предания же самих завоевателей, записанные гораздо позже Бедой Достопочтенным (около 731 г.), а также в «Англосаксонской хронике» (начатой незадолго до 900 г.), сбивчивы, скудны и часто вводят в заблуждение. Даже археологических свидетельств крайне мало, поскольку низкий уровень культуры завоевателей оставил нам немного следов их ранних становищ, за исключением скудного содержимого их погребений. Однако именно на основании этих свидетельств, дополненных письменными памятниками и критически использованными данными исторической географии, нам предстоит составить в общих чертах ход и характер завоеваний.

Основная масса завоевателей происходила из наиболее отсталых и неразвитых германских племен, живших в районе устья Эльбы и на юге Дании. Эти племена, англ и саксы, мало различались между собой по языку и обычаям, так что едва ли можно делать между ними какие-то существенные различия. Третья группа завоевателей, традиционно называемых ютами, представляла, скорее всего, некое франкское племя с низовьев Рейна. Именно среди

этих племен римляне имели обыкновение набирать себе дополнительные войска в последние годы империи. Места погребений в Кенте, а также на острове Уайт, где селились юты, свидетельствуют о том, что это были люди, достигшие по сравнению с остальной массой завоевателей более высокой культуры, что дает нам возможность предположить о наличии контакта с римской цивилизацией. Таким образом, имеются все основания доверять преданиям о том, что юты были приглашены неким британским вождем вступить в страну в качестве союзников и впоследствии вытеснили своих хозяев. Слабые следы преемственности с поселениями и земледелием римлян можно обнаружить только в Кенте. История общества Кента действительно сильно отличается от истории остальной Англии, поскольку там непосредственно совершился переход от мелкого индивидуального крестьянского хозяйства к капиталистическому способу земледелия.

В целом социальная организация завоевателей оставалась все еще родовой, сходной с организацией кельтов, описанной в первой главе. Завоеватели, которых вполне уместно называть всех в целом англичанами, хотя слово это вошло в употребление только спустя несколько веков, были скорее земледельческим, чем скотоводческим народом, и еще до вступления в Британию в их родовой организации начался процесс быстрого разложения. По всей Европе в это время мощными волнами шло переселение народов, которое разметало и перемешало между собой родственные поселения. К IV в. в Германии уже прочно утвердился институт королевской власти. Выделился также класс профессиональных воинов, отличавшихся и возвышающихся над крестьянами, которые все больше довольствовались лишь возделыванием почвы, пока им позволяла мирная обстановка. Родственные группы постепенно теряли свое значение, с одной стороны, вследствие роста военной дружины, сплотившейся вокруг вождя и связанной с ним личными отношениями, а с другой – из-за чисто территориальной единицы – села.

Темпы разложения необычайно усиливались самими вторжениями. Первые набеги на побережье Британии совершались, вероятно, немногочисленными военными отрядами, что способствовало росту богатства и престижа класса воинов по сравнению с привязанными к родным селениям земледельцами. В V в. набеги сменились процессом, схожим с переселением целых народов. Хотя в отдельных случаях на побережье могли возникать независимые мелкие поселения, теперь принято считать, что основное вторжение осуществлялось одним или двумя большими войсками, подобными датчанам, которые были близки к завоеванию Англии в 871 г. Такое войско могло состоять как из воинов-профессионалов, так и земледельцев и, возможно, значительного числа женщин и детей, как это нередко бывало в войсках датчан. А за ними, вероятно, также двигалось еще большее количество земледельцев со своими семьями, но в любом случае передовую часть нашествия составляли специально обученные воины с превосходным вооружением.

Разнообразие поселений, сформированных в результате нашествия, отражает смешанный и кратковременный характер войска. В одном месте могла осесть родовая группа, делившая землю по грубо уравнительному принципу. В другом месте селился некий военный предводитель с подвластной ему свитой, в третьем – возможно, уцелевшая горстка бриттов, чтобы быть обращенными в рабов (нередко те, кто выживал, были как раз из тех, кто уже до нашествия были рабами). Главным результатом нашествия со всеми сопровождавшими его переселениями и непрекращающимися военными набегами стало то, что оно перемешало победителей и побежденных в бесчисленных комбинациях и усилило военную организацию, таким образом ослабив родовую. По этим же причинам авторитет королей значительно возрос, и к концу этого периода короли выступили с претензией, пока еще туманной и сильно скованной ограничениями народных прав, быть единоличными и окончательными собственниками земли.

Подробности вторжения безнадежно утрачены для нас, однако его общие черты можно установить и даже привести несколько приблизительных дат, относящихся к данному периоду. О ютах уже упоминалось выше. Общепринятая и, возможно, правильная дата их вторжения – приблизительно 450 г. Об англах не имеется достоверных сведений до тех пор, пока мы не находим их уже овладевшими северо-восточным побережьем и большей частью центральных графств в конце V столетия. Можно сделать предположение, что местом их высадки было устье Хамбера, а реки Трент и Уз послужили им дорогой вглубь острова.

Между двумя этими датами в страну через залив Северного моря Уош вторглись отряды саксов. На своих длинных плоскодонных лодках они поднялись по реке Грейт-Уз, прошли Страну болот и высадились неподалеку от Кембриджа. Оттуда они двинулись на юго-запад по Нильдскому пути и ворвались в восточные районы центральных графств и в долину Темзы. Словами, полными ужаса, описывает Тильда последовавшее за этим разорение. В течение нескольких лет страна подвергалась полному опустошению. Все, что еще сохранилось от римской культуры, было стерто с лица земли, а сами бритты уничтожены, порабощены или оттеснены на запад.

Приблизительно к 500 г. наступило затишье, вероятно, в то время, когда земледельцы начали делить земли и предоставили вести войну воинам. Тильда повествует о некоем Амбросии Аврелиане – одном из немногих известных в эту чрезвычайно туманную эпоху лиц, который, вероятнее всего, действительно существовал, – собравшем рассеянных по стране бриттов и одержавшем ряд побед над врагами. Последнюю из этих побед, у горы Бедон, Тильда относит к дате своего собственного рождения – возможно, около 516 г. В этот же период или немного позже произошла массовая миграция бриттов в Арморику в таком масштабе, что это дало стране ее теперешнее название – Бретань – и кельтский характер, сохранившийся и поныне.

Позднее, в VI в., наступление англо-саксов началось снова. Победа у Дирхэма в Глостершире привела саксов к Бристольскому заливу. Битва у Честера в 613 г. открыла мерсийцам путь к Ирландскому морю. Бритты были теперь разделены на три группы и оттеснены в горные районы Девона и Корнуолла (Западный Уэльс), собственно Уэльс и Камберленд (Стратклайд). Покорение их в этих местах оставалось лишь вопросом времени, хотя в Уэльсе они продержались вплоть до середины Средних веков.

К этому времени англичане обосновались в нескольких мелких королевствах, границы которых непрерывно то расширялись, то отступали, в зависимости от исхода бесконечных войн. Ведение этих войн, а также, несомненно, изначальное вторжение значительно облегчалось наличием сохранившейся сети римских дорог. Некоторые из этих королевств сохранили память о себе в названиях современных английских графств; другие исчезли так безвозвратно, что мы едва ли знаем их имена. К концу VI столетия образовалось семь крупных королевств. На севере от Форты до Хамбера протянулась Нортумбрия. Две ее части, Дейра, соответствующая Йоркширу, и Берниция, расположенная между Тисом и Фортом, временами появлялись в виде независимых королевств. Восточная Англия занимала Норфолк, Суффолк и части Кембриджшира. Эссекс, Кент и Суссекс приблизительно соответствуют современным графствам, носящим те же названия. Уэссекс располагался к югу от Темзы и к западу от Суссекса, его западная граница постепенно отодвигалась к Сомерсету. Мерсия занимала большую часть центральных графств, но район Котсуолд в течение долгого времени вызывал споры между нею и Уэссексом.

Отношение англосаксов к покоренному местному населению издавна являлось излюбленной темой полемики среди историков. С одной стороны, утверждалось, что бритты были почти полностью истреблены, с другой же – считалось, что небольшое количество завоевателей-англичан поселилось среди массы покоренного населения. Окончательного вывода по этому вопросу еще не сделано, но можно указать на некоторые наводящие моменты.

Во-первых, катастрофически снизилась общая численность населения. Все без исключения города были разрушены и надолго оставались незаселенными. Особняком можно выде-

лить разве что Лондон, хотя нет прямых свидетельств тому, что он был постоянно заселен. Однако само его положение в центре системы дорог делало его неизбежным центром торговли с момента ее возобновления. Уже в тот ранний период Лондон снова появляется в качестве места, имеющего немаловажное значение. Помимо разорения городов произошло и значительное сокращение площади обрабатываемых земель. Почти вся территория расчищенных римлянами лесов была оставлена жителями, и ранние поселения англосаксов протянулись по берегам рек и теснились в нескольких облюбованных ими районах, таких как Кент и долина Темзы. Есть все основания полагать, что произошло грандиозное сокращение сельского населения Британии, обусловленное его физическим истреблением и миграцией.

Во-вторых, исследование языка противоречит тому взгляду, что в Британии осело лишь незначительное меньшинство завоевателей. В Галлии, где в таком положении оказались франки, преобладал язык покоренных. В Англии, за исключением ее западных областей, встречается мало кельтских слов и географических наименований. Аналогия с датскими вторжениями показывает, что заморские завоеватели вполне могли оседать в таком количестве, чтобы основывать свои собственные независимые общины. И все же нет никаких оснований предполагать, будто бритты были полностью уничтожены даже на востоке, где англосаксы селились в наибольшем количестве. В ранних английских законах содержатся положения о валлийцах, живущих рядом со своими завоевателями, как нечто само собой разумеющееся. А в Суффолке и по сей день по прошествии двух тысяч лет после римских, англосаксонских, датских и нормандских вторжений пастух, созывая овец, использует валлийское слово. Многие из пришедших в Британию англичан привели с собой женщин своего племени, но их было гораздо меньше, чем мужчин, и смешанные браки, вероятно, заключались с самого начала.

Правильнее всего будет сделать вывод, что на востоке, по крайней мере, основную массу населения составляли англичане и что выжившие в этих краях бритты были обращены в рабов. Чем дальше к западу, тем выше становится процент бриттов в общем населении. Законы Уэссекса допускали даже существование валлийских землевладельцев, которые занимали особое место в обществе и вергельд¹ которых составлял половину вергельда, приходящегося на английских землевладельцев. Однако оставшиеся в живых бритты принадлежали к низшим классам и были сельскими, а не городскими жителями. Они составляли как раз ту часть общества, которая была наименее романизированной и между которой и англичанами существовал самый узкий культурный разрыв.

---

¹ Вергельд – денежная компенсация за убийство свободного человека, установленная в германских варварских правах. Вергельд выплачивался родом убийцы семье убитого, постепенно вытеснив кровную месть, в зависимости от социального положения убитого, его пола и возраста, от того, к какой национальности он принадлежал.

2. Тауншип²

С ранних времен поселения англичан отличались поразительной двойственностью, происходящей из их переходного положения между родовым строем и того, что мы должны теперь называть феодальной организацией. С одной стороны, мы имеем гайду, модель, характерную для родовой организации, с другой же – тауншип, чисто территориальную единицу, не обязательно связанную с родовыми отношениями. Именно рост тауншипа и направление этого роста, а также развитие социальных классов внутри его формируют внутреннюю историю периода между английским и нормандским завоеваниями.

По всей Англии, кроме Кента, гайда, как и до нее гвели, была земельным наделом, принадлежавшим обычной крестьянской семье, которого было достаточно для ее содержания. Примерно гайда представляла собой участок пахотной земли, который мог обрабатываться одной упряжкой в восемь волов. Однако не просто определить точное количество акров, содержащихся в одной гайде. В Восточной Англии, по-видимому, гайда обычно занимала площадь 120 акров, но в других районах не более 40 акров (при этом акр понимается здесь не как единица площади, а как площадь земли, которую можно вспахать за день на восьми быках). В то время как гвели являлся одновременно экономической и социальной единицей, экономической единицей у англичан считалась не гайда, а тауншип. Обычный тауншип представлял собой довольно большую, плотно заселенную деревню, значительно отличавшуюся от кельтских поселений, где зачастую проживала только одна семья или несколько семей, связанных между собой близким родством. Такая деревушка нередко совпадала с гвели, который в любом случае был единым целым, заключенным в своих границах. Гайда же состояла из нарезанных по одному акру полос земли, разбросанных по всему пространству общинных полей.

Эти поля, обычно два или три поля, обрабатывались в строгом чередовании. Если полей было три, одно засевалось осенью пшеницей, рожью и озимым ячменем, другое – овсом, бобовыми или яровым ячменем весной, а третье оставалось под паром. Там, где преобладала двухпольная система, одно поле засевалось, а второе оставалось под паром. Поля не огораживали, а отдельные участки разделялись только узкими полосками дерна, которые оставляли невспаханными. После сбора урожая все поля становились общинными пастбищами для выпаса овец и рогатого скота. Помимо своих 120 полос, лоскутами разбросанных по общинному полю, владелец гайды имел еще и причитающуюся ему долю в общественном выгоне и пустосях общины. Пустыри обычно были обширными, а сама деревня чаще всего представляла собой расчищенный участок, окруженный большим лесным массивом или вересковой пустошью. Такие земли имели ценность главным образом из-за строевого леса и букового орешка, а также желудей, используемых для откорма свиней. Таким образом, гайда была действительно хозяйством, включающим в себя столько земли, сколько можно было обработать одним плугом, плюс некоторые четко определенные для ее жителей права на общественные выгоны и пустоши общины.

С самого начала гайда считалась в первую очередь владением главы семьи, а не всей семьи. Гайда еще не являлась частной собственностью, ее нельзя было продавать, и ее использование ограничивалось правами, налагаемыми коммунальным способом ведения хозяйства, однако она уже содержала в себе зародыш частной собственности на землю. Мы видели, как вторжение способствовало укреплению положения военного сословия и ослаблению родовой организации, а гайда с самого начала несла воинскую повинность в пользу государства и во время войны обязывалась поставлять в фирд (ополчение) одного полностью вооруженного воина. Владелец гайды оставался теоретически все еще свободным воином. Но когда войны участились, гайда уже не могла снарядить воина, и наряду с керлом, владельцем гайды, мы

---

² Тауншип – административно-территориальная единица, включающая деревню или небольшой городок.

теперь встречаем тэна (дворянский титул военнотружнкой знати в поздний англосаксонский период истории Британии), потомка профессионального воина, который получал от короля земельный надел в обмен на военную службу или который сам выделял для себя еще больший надел, обычно не менее пяти гайд (600 акров), а нередко и гораздо больше. Керл мог по-прежнему нести службу в фир-де в случае крайней необходимости, однако в обычное время сражения велись тэнами и их личными дружинами. Здесь уже начинается грубое разделение труда между теми, кто сражается в битвах, и теми, кто трудится на полях, лежащее в основе феодальной системы.

Очень скоро тэн начинает приобретать доминирующее влияние над своими более слабыми соседями. Времена были беспокойные, центральная государственная власть только еще зарождалась, и земледелец вынужден был браться за выполнение различных повинностей или платить натуральную ренту в обмен на покровительство тэна и его дружины. Среди керлов начался быстрый процесс социального расслоения. Некоторые из них преуспели и стали тэнами, но большинство нищало, и площадь среднего земельного надела свободного крестьянина сокращалась. Гайду, представляющую собой участок земли, обрабатываемый большим плугом с восемью волами, легко было делить, но не более чем на восемь частей. Общепринятым хозяйством крестьянина-земледеца в позднюю англосаксонскую эпоху становится уже не гайда, а виргата – надел, обрабатываемый двумя волами (30 акров), или же бовата, которая обрабатывалась одним волом (15 акров). Помимо этого, возникает многочисленный слой земледельцев, имеющих гораздо меньшие участки – от двух до пяти акров. Эти наделы уже не могли считаться частью общинного поля, поскольку они были слишком малы, чтобы содержать быка, необходимого для участия в общинной пахоте. Зачастую такие участки отвоевывались у пустошей и обрабатывались лопатой или легким плугом. Владельцами этих участков, которых позднее в «Книге Страшного суда» мы встретим под именем бордариив и коттариив, нередко были деревенскими ремесленниками, кузнецами, колесниками и другими мастеровыми или зарабатывали себе на жизнь, трудясь за плату во все более расширяющихся владениях тэнов. Среди них мы и должны искать предков современного пролетариата.

Постепенно гайда перестает быть реальной единицей земельного надела и в течение столетия, предшествующего нормандскому завоеванию, встречается главным образом как термин, используемый для целей налогообложения и администрирования. Точно так же деление на род (кланы), о котором у нас имеются только обрывочные свидетельства, теряет свое значение и приблизительно после 900 г. заменяется сотней, которая впервые появляется в Уэссексе во времена Альфреда Великого и которую его преемники распространяют по всей стране.

Возможно, уже с 600 г. тэн постепенно начинает приобретать черты феодального лорда, керл – становиться похожим на крепостного крестьянина, начинает формироваться частная собственность на землю и наблюдается четкое расслоение на социальные классы. Наряду с этим государство, образовавшееся вследствие военного завоевания и раздела страны и постоянного присутствия короля как военного лидера в период, когда война являлась нормальным положением дел, вытесняет более свободную родовую организацию, объединявшую англосаксов на их родине в Германии. Этот процесс, сопровождаемый сосредоточением особой власти в руках меньшинства за счет остальной части народа, на самом деле единственный способ, с помощью которого человеческое общество может продвнуться дальше и выйти из стадии родового строя. Этот процесс, несмотря на всю его суровость, следует рассматривать как прогрессивный по своей сути. И благодаря распространению христианства все эти тенденции были усилены и получили четкие законные формы. Христианство также добавило к существовавшей уже дифференциации между воином и земледельцем третье сословие – проповедника и ученого.

3. Христианство

Хотя валлийцы цепко придерживались христианской религии, которую принесла им римская оккупация, обращение англичан в христианство пришло не через Уэльс. Слишком сильна была взаимная ненависть победителей и побежденных, чтобы между ними могли существовать нормальные отношения, и валлийцы воспринимали англичан не иначе как кару Господню, ниспосланную им за грехи. Христианство проникло в Англию из Рима и немного позднее из Ирландии, через Иону. VII столетие полностью занимает процесс христианизации, сопровождаемый столкновениями между соперничающими сектами и закончившийся триумфом римской католической церкви.

Августин, высадившийся в Кенте в 597 г., был послан папой Григорием Великим, под властью которого происходило заметное религиозное возрождение, сопровождавшееся масштабным развитием миссионерской деятельности. Августин узнал, что король Кента Этельберт был женат на христианке и почти готов к принятию крещения. За обращением Кента последовало обращение Эссекса и Восточной Англии. В 625 г. Эдвин, король Нортумбрии, женился на кентской принцессе, за которой на север последовал и Павлин – первый епископ Йорка. Летопись свидетельствует еще о нескольких столь же быстрых обращениях в христианство; так, после принятия крещения Эдвином мы читаем, что Павлин двадцать шесть дней кряду крестил новообращенных в реке Глен. Похожие массовые крещения происходили затем в реках Суэйл и Трент.

Новая религия одержала громогласную, но бесполезную победу. Она не проникла глубоко в массы, и, когда в 633 г. в битве при Хитфилде Эдвин был побежден и убит Пендой, королем Мерсии, возвращение Нортумбрии к прежней вере произошло еще стремительнее, чем ее обращение в христианство. Религия еще долгое время оставалась вопросом, по которому короли принимали решения исходя из политических соображений или убеждений, а народные массы им следовали.

В следующем году в Нортумбрии короновался новый король Освальд. Он был воспитан ирландскими монахами Ионы, и с ним прибыл Айдан, который основал в Линдисфарне большой монастырь, ставший подлинной колыбелью христианской религии в Северной Англии, и поставил перед собой задачу обращения в христианскую веру жителей Нортумбрии. Кельтский тип христианской церкви с его простым благочестием и отсутствием централизации гораздо глубже прижился в сердце сурового земледельца-солдата с севера. Некий нортумбрийский поэт следующего столетия так писал о Христе:

Юный герой
Богом был Всемогущим,
Сильным и храбрым.

Можно сказать, что раннее христианство Нортумбрии стало уникальной смесью героического язычества прошлого с более умеренной, но тем не менее героической верой ирландских христиан. Результат оказался совершенно иным, чем в случае с исходившей от Рима религией подчинения и страха, которая продолжала постепенно овладевать югом Англии. Когда король Пенда в 642 г. победил и убил Освальда, Нортумбрия продолжала оставаться христианской, а через 20 лет последовала христианизация и Мерсии. Тем временем новая вера постепенно проникала в Уэссекс, и только Суссекс, отделенный болотами Ромни и обширными лесами Андредесвальда, оставался языческим.

В 664 г. римские и кельтские христиане встретились в Уитби, дабы урегулировать расхождения по ряду вопросов. Гораздо более серьезные разногласия скрывались за такими мел-

кими проблемами, как установления даты празднования Пасхи и точной формы тонзуры священника. Кельтское христианство, поскольку оно развивалось в непокоренной Ирландии, было приспособлено к родовому укладу жизни. Устройство церкви приняло здесь форму монастырей, представлявших собой что-то вроде группы отшельников, живущих вместе в скоплении хижин. Земли у них было немного, но и та, что имела, все еще оставалась общественной собственностью. У кельтской церкви никогда не было местной или приходской организации, а ее епископы были не более чем странствующие проповедники с весьма неопределенной властью над собратьями.

Римское христианство унаследовало все то, что сохранилось от римского порядка и централизации: римское право с его скрупулезным определением собственности и признанием рабства и четко разработанной церковной иерархией. Кроме того, эта церковь уже подверглась сложной системе территориальной организации епархий и приходов. Ближайшим государством с утвердившейся римско-католической церковью, которое к тому же оказывало особенно большое влияние на Англию, была Франция, где феодализм добился наибольших успехов. Победа Рима на соборе в Уитби явилась, таким образом, победой феодализма и всего того, что он нес с собой.

Все характерные черты римского христианства, хорошие и плохие, воплотились в Уильфреде, который впервые выдвинулся в Уитби и впоследствии стал архиепископом Йорка. Суевый, лукавый и уклончивый по натуре человек, он ревностно заботился об авторитете своей церкви и своем собственном авторитете, поскольку являлся ее представителем; он стал первым из великих клерикальных государственных деятелей, которые приобретут такое огромное значение в последующие столетия. Он плел бесконечные интриги, строил церкви, выговаривал королям и нажил несметные богатства, которые приказал положить рядом с собой на смертном одре. Все это было так разительно не похоже на аскета Кутберта из Линдисфарна, который неделями питался одной лишь горсткой сырых луковиц или молился целый день, стоя по горло в морской воде, но именно религии Уильфреда, а не Кутберта принадлежало будущее.

Поскольку христианские священники были единственным грамотным сословием, они вскоре составили постоянный аппарат государственной бюрократии, легко навязывая свои идеи недалеким королям и тэнам. Особенно сказывалось это в вопросах собственности. Приученные иметь дело с письменными грамотами и духовными завещаниями, они вскоре начали подрывать и без того ослабленные общинные права. Мы можем проследить этот процесс на примере возникновения института бокленда, наряду с фольклендом. Фольклэнд, как это явствует из названия, был землей, которой владели по обычному народному праву. Хотя фольклэнд не являлся общественной землей, никто не мог считать ее своей полной собственностью, и ею можно было владеть только в рамках сельской общины. Бокленд был землей, пожалованной лорду особой дарственной грамотой. Такое владение укрепляло положение лорда в двух отношениях: экономическом, поскольку оно освобождало его от целого ряда государственных повинностей, падавших на фольклэнд (то есть на все остальные земли), и в правовом, так как он получал чрезвычайно устойчивые права на землю, оспаривать которые властен был только королевский суд, или «уитенагемот» (совет старейшин при короле у англосаксов). С другой стороны, права рода все еще имели значение. В законах Альфреда говорится, что бокленд не должен был выходить за пределы рода наследника, если это запрещалось «теми, кто изначально приобрел его», и «теми, кто жаловал ему землю». Первые грамоты на землю получили церковные органы, но, как только выявились все преимущества бокленда, эти земли стали все более востребованы и приобретались магнатами.

Стремясь захватить в свои руки земли, церковь прибегала к любым средствам и ухищрениям, начиная от запугивания муками ада и кончая прямым подлогом. По мере роста земельных владений церковников росла и власть этих крупных землевладельцев, а также влияние, которое они оказывали на государственный аппарат страны. Епископ и его окружение или

монастырь, представлявшие собой большую группу людей, нужно было поддерживать в том состоянии, к которому Богу было угодно их призвать, а для этого они естественно и неминуемо должны были прибегнуть к эксплуатации крестьян и организовать их в маноральные³ хозяйства. В этом деле землевладельцы не замедлили последовать их примеру, и, таким образом, обогащение церковников шло рука об руку с закрепощением крестьян.

Но вместе с тем церковь стала мощной движущей силой прогресса, создавая образованный класс, стимулируя развитие торговли и способствуя установлению более тесных связей с Европой, а также консолидации и централизации власти внутри страны. Два века, прошедшие со времени христианизации страны до прихода скандинавов, стали периодом медленного, но неуклонного роста материальной культуры. Возобновилось применение камня для строительства, и если этот камень получали преимущественно из разрушенных городов и вилл времен римского завоевания, а также старинных дорог, то это объяснялось недостатком подходящего строительного камня в более развитой части Англии. Так, например, для постройки большой церкви Уильфреда в Хексеме использовали камень, взятый из Римского вала. Дома мирян, даже королей и тэнов, продолжали строить из древесины. Оставаясь примитивными, эти дома зачастую были просторными, с хорошо продуманной планировкой. Возможно, они казались бедными по сравнению с замками и поместьями знати после нормандского завоевания, но дом саксонского крестьянина наверняка выглядел намного лучше сделанной из обмазанных грязью прутьев хижины феодального крепостного того периода, когда в стране стало не хватать строительного леса. Значительного мастерства достигает обработка металла и иллюстрирование манускриптов, а высокий уровень обучения можно было обнаружить в лучших монастырях того периода, особенно в монастырях Нортумбрии. Именно в одном из таких монастырей в Джарроу жил и трудился Беда, самый образованный человек Европы своего времени, а также первый и один из величайших английских историков.

Политическая история этого периода представляет собой целую серию военных столкновений, в которых одерживают верх сначала Кент, затем Нортумбрия и Мерсия и, наконец, Уэссекс. Исход этих битв зависел в значительной степени от личной силы королей. Кентский король Этельберт, короли Нортумбрии Эдвин и Осви, мерсийские короли Пенда и Оффа и король Уэссекса Эгберт – все они сыграли значительную роль во временном успехе и возвышении своих государств. И теперь мы можем проследить хотя бы приблизительно влияние общих факторов.

Первоначальное превосходство Кента исходило из более высокого культурного уровня его франкских завоевателей и более тесного контакта с Европой. Упадок Кента обуславливался небольшой территорией и неспособностью обеспечить надежный контроль над Лондоном и районами, расположенными в низовьях Темзы. Период возвышения Нортумбрии совпадает с проникновением в страну более высокой культуры, занесенной кельтской церковью, и, возможно, связан с воинственным нравом жителей, который они сохранили в этом суровом болотистом краю. Упадок Нортумбрии явился результатом ее слишком честолюбивого стремления одновременно расширить свои границы к северу, за счет Шотландии, и к югу, за счет Мерсии. Нортумбрию также ослабляло недостаточно тесное слияние двух ее составных частей, Дейры и Берниции, и их внутренние распри.

Причины возвышения Мерсии более туманны, но возможно, что наиболее важную роль в этом сыграл рост большого и зажиточного населения в плодородных равнинах центральных графств и военный опыт, который приобрела Мерсия в борьбе с валлийцами. Слабость этого

---

³ Манор (*англ.* manor) – феодальное поместье в средневековых Англии и Шотландии, основная хозяйственная единица экономики и форма организации частной юрисдикции в этих государствах. Манор представлял собой комплекс домениальных земель феодала, общинных угодий и наделов лично зависимых и свободных крестьян, проживающих во входящей в состав манора деревне. Основой манорального хозяйства были отработочные повинности зависимых категорий крестьян (вилланов, коттариев, хазбендменов) и судебная юрисдикция феодала над ними.

государства заключалась в отсутствии надежных естественных рубежей, в результате чего Мерсия оставалась не защищенной от атак врага со всех сторон и подвергалась постоянным войнам. Уэссекс, напротив, имел удобные естественные рубежи и внутренние районы на юго-западе, достаточно обширные, чтобы позволить Уэссексу расширять свои границы. Уэссекс располагал значительными площадями плодородной земли, и к концу VIII в. он начинает устанавливать важные связи с франкским государством Карла Великого, которое как раз набирает силу по ту сторону Ла-Манша.

Вскоре после 800 г. Уэссекс, находившийся под управлением короля Эгберта, начинает опережать соперников, однако спорный вопрос так и не получил окончательного решения, когда скандинавское нашествие изменило ход событий. Вся тяжесть этого нашествия обрушилась прежде всего на Мерсию и Нортумбрию, которые вскоре были разгромлены, избавив Уэссекс от его давнишних соперников, но повернув его лицом к новому и куда более грозному врагу.

4. Скандинавы

Хроника от 18 июня 793 г. повествует, что «язычники подвергли ужасному разрушению Божью церковь в Линдисфарне, прибегнув к грабежу и насилию». Эта короткая запись открывает повествование о тех бедствиях и сражениях, которые длились почти 300 лет и в течение которых была захвачена половина Англии, а скандинавы и их обычаи оставили свой неизгладимый след на этой земле.

Захватчики назывались общим именем «датчане» или «норманны», и эти два скандинавских народа были настолько родственны друг другу, а передвижения их так тесно переплетались, что не всегда можно с уверенностью сказать, с каким из них мы имеем дело. Войско их и впрямь зачастую было смешанным по составу, но датчане в основном вторглись в Англию, а норвежцы – в Ирландию и Шотландию. Хотя эти народы в некотором отношении находились на более низкой ступени развития, чем англосаксы, они обладали особым преимуществом, которое делало их опаснейшими врагами.

Ключом к разгадке превосходства скандинавов был большой железный топор, который найден в местах их погребения периода 600-х гг. При помощи железного топора они могли вырубать леса Дании и в скором времени распространиться вдоль норвежского побережья, на узкой полосе земли между морем и горами. К 700 г. эти земли, лишенные плодородия и сильно суженные, были заселены настолько плотно, насколько могли обеспечить существование поселенцев. Но топор не только позволил скандинавам расчистить леса, он дал им возможность построить более крупные и лучше приспособленные для мореходства корабли, каких никогда еще не видывал Север. На них они вскоре начали совершать далекие плавания, и следующим шагом стала колонизация незаселенных Шетландских и Фарерских островов. Первые поселенцы были мирными крестьянами, но к концу VIII в. острова эти стали использоваться для пиратских набегов.

Во время одного из таких рейдов и был разграблен Линдисфарн, но для Англии это был пока еще единичный случай. Передвижения скандинавов выглядят неясными до тех пор, пока не усвоен простой принцип, по которому они действовали. Будучи готовыми к битвам, они тем не менее искали не битв, а наживы, и их набеги были направлены в первую очередь туда, где можно было захватить богатую добычу и не встретить ожесточенного сопротивления. В 800 г. таким местом стала Ирландия, которая избежала нашествия римлян и англичан и которая обладала культурой не менее богатой и самобытной и почти настолько же беззащитной, как у перуанских инков времен Писарро. Не следует забывать, что в те давние времена Ирландия являлась главной золотодобывающей страной Западной Европы. И хотя междоусобицы среди ирландских племен случались нередко, ирландские воины не могли тягаться свирепостью и хитростью со скандинавами.

Первые годы IX в. были посвящены грабежам Ирландии. Когда страну опустошили настолько, что набеги уже не приносили захватчикам желаемой добычи, их длинные лодки устремились к югу, по направлению к великой, но неповоротливой империи Карла Великого, впадающей в безнадежную смуту. Париж был разграблен, и завоеватели заполнили обширные территории Франции. Скандинавы отваживались на еще более дерзкие морские походы, во время одного из которых в 846 г. был осажден сам Рим.

Еще до этого момента внимание датских флотилий привлекла Англия. В 838 г. большой отряд датчан был разгромлен Эгбертом, но, несмотря на поражения, каждый год на английский берег высаживались новые орды захватчиков. В 842 г. был сожжен Лондон. Захватчики провели зиму 850/51 г. на острове Танет вместо того, чтобы отплыть на родину, как это делали раньше. С этого времени набеги их становятся смелее, пока в 866 г. большое войско датчан не высадилось в Англии, всерьез намереваясь захватить ее земли и осесть на них. С военной точки зрения на стороне датчан были практически все преимущества. В Скандинавии, где шведские месторождения разрабатывались еще с доисторических времен, железа всегда было в избытке. Грабежи предыдущих поколений дали скандинавам возможность вооружиться лучшим оружием и доспехами, доступными на тот момент. У них были боевые топоры и длинные мечи, на головах – железные шлемы, а в руках – щиты, кроме того, у пиратов и профессиональных воинов нередко имелись кольчуги.

Они также разработали новые методы ведения войны и научились быстро передвигаться по морю на своих длинных многовесельных судах, каждое из которых вмещало до ста человек. По суше они перемещались на конях, которых захватывали повсюду, где только могли найти, превращаясь, таким образом, в первую в истории кавалерию. В бою они наловчились сочетать сплоченность морской команды с гибкостью варварской орды. Они также научились строить укрепленные частоколом форты, в случае поражения отступали за их прикрытие и бросали вызов преследователям.

По сравнению с ними англичане были вооружены плохо, у основной части фирда имелись только дротики и кожаные доспехи. Даже меньшие по числу дружины тэнов к тому времени стали превращаться в земледельцев и не всегда годились для долгих походов. К тому же медленно передвигающийся фирд был мало пригоден для более чем одного сражения. Пока Альфред не построил свой флот, преимущество неожиданного нападения всегда оставалось на стороне захватчиков. Военный гений Альфреда, его способность перенимать приемы врага, а затем превосходить его стала одной из главных причин поражения датчан. Другой причиной послужил неразвитый общественный строй скандинавов, что мешало им в ведении длительных крупномасштабных военных операций. Войско их имело постоянную тенденцию распадаться на отдельные части, когда встречало неожиданно решительный отпор со стороны противника, и каждый предводитель отряда уводил своих людей куда-нибудь в сторону в поиске более легкой победы.

И все же войско, высадившееся в Восточной Англии весной 866 г., выглядело действительно устрашающе. В следующем году оно двинулось на север, разбило нортумбрийцев в грандиозной битве под стенами Йорка и затем в течение трех лет завоевывало и грабило земли Мерсии и Восточной Англии, не встречая серьезного сопротивления. В начале 871 г., долго потом упоминаемого как «год сражений», датчане прошли по Нильдскому пути, как это делали до них саксы четыре века тому назад, и основали в Рединге укрепленный лагерь, который послужил стратегической базой для нападения на Уэссекс. Потерпев поражение при Ашдауне, они укрылись от разгрома в своем лагере, и последовавшие за этим восемь сражений не дали преимуществ ни одной стороне. В конце того же года войско заключило перемирие с Альфредом, который в самом разгаре битвы сменил своего брата на троне короля. В течение следующих четырех лет вторжение проходит через новую фазу, во время которой датчане создают свои независимые королевства в Нортумбрии и Восточной Англии и делят земли между собой.

В 876 г. атаки с моря на Уэссекс возобновились, усиленные подкреплением из Скандинавии, и после двух лет упорной борьбы войско Альфреда подверглось неожиданному нападению у Чиппенхэма, после чего ему пришлось искать убежище в болотах Сомерсетшира. Ударив неожиданно, Альфред одержал решающую победу в Эдингтоне и вынудил датчан заключить мир. С этого времени Англия была разделена на две приблизительно одинаковые части: Денло

– область датского права⁴, лежащую на севере и востоке, и Саксонскую Англию, расположенную к югу и западу от линии, идущей вверх по реке до ее истока и по дороге Уотлинг-стрит до Честера. Новую попытку завоевать страну, предпринятую пятнадцатью годами позже, англичане отразили еще быстрее, после чего скандинавы снова принялись совершать набеги на менее решительно защищаемую Северную Францию, где в начале следующего столетия Ролло создал герцогство Нормандию.

Культурный и материальный ущерб, нанесенный этими нашествиями, трудно переоценить. «Столь велик был упадок образованности среди англичан, – сетует Альфред, – что лишь немногие по эту сторону Хамбера, и я думаю, что и к северу от него также, могли понять требник и перевести письмо с латинского на английский. Нет, не могу припомнить, чтобы к югу от Темзы нашелся хоть один такой человек, когда я вззошел на престол». Схожую картину в другой области дают нам и законы Альфреда, где размеры выплаты штрафов за различные проступки (вергельд) в среднем составляют лишь половину штрафов, выплачиваемых по законам Этельберта двумя столетиями раньше. Это явно свидетельствует о том, что страна была лишена движимого имущества. Увенчавшиеся успехом усилия Альфреда остановить этот распад даже в большей степени, чем его военные заслуги, делают Альфреда одной из величайших фигур в истории Англии.

Первостепенной задачей Альфреда являлась необходимость оградить свое королевство от вторжения в будущем. Для этой цели он построил суда, превосходящие по своим качествам датские: «Вдвое длиннее тех других... и быстроходнее и устойчивее, а также выше». Еще более важное значение имела и созданная им система укрепленных крепостей, в которых находился гарнизон хорошо обученных, профессиональных солдат, способных отражать мелкие атаки врага или же создавать боевое ядро, вокруг которого мог сплотиться фирд. Эти крепости стали первыми городами Англии, благодаря которым англичане перестали считаться чисто сельским народом. Оборонительные меры Альфреда Великого дали возможность людям жить и трудиться в мире, а поразительные восстановительные способности всех народов, занимающихся натуральным земледелием, получили возможность сыграть свою роль в истории.

Альфред побуждал приезжать в страну образованных людей из Европы и даже из Уэльса и уже в зрелом возрасте выучился сам читать и писать по-английски и по-латыни – подвиг, который Карл Великий так и не смог совершить. Он с жадностью усваивал самые передовые знания, которые давала эпоха, и если бы ему довелось жить в более просвещенное время, то он, вероятно, обладал бы подлинно научным мировоззрением. Слабый здоровьем и никогда не знавший длительного мира, он тем не менее проделал громадную работу, важность и основательность которой подтверждается долгим периодом мирного развития после его смерти. Его преемники – Эдвард, Ательстан, Эдмунд и Эдгарвсе – были талантливыми воинами и руководителями, так что период с 900 до 975 г. знаменуется отвоеванием области Денло, которая, впрочем, продолжала сохранять свой скандинавский характер, хотя и признала превосходство английских королей. Англосаксы и скандинавы были достаточно близки между собой по языку и организации, чтобы сохранять добрососедские отношения, и в X в. многие черты различий между ними постепенно стерлись.

До сих пор мы подчеркивали исключительно разрушительные аспекты датского вторжения, но их влияние на историю этим не исчерпывается. В некоторых отношениях датчане обладали более высокой культурой, чем англосаксы. Мы уже упоминали о широком использовании ими железа и о том, что они ввели в употребление в Англии большой топор. Мы видели, что ранние англосаксонские поселения были ограничены пределами густых лесов, которые

---

⁴ Область датского права – территория в северо-восточной части Англии, отличавшаяся особыми правовой и социальной системами, унаследованными от норвежских и датских викингов, завоевавших эти земли в IX в.

покрывали самые богатые для сельского хозяйства земли. Когда «Книга Страшного суда»⁵ дает нам картину английской сельской жизни, мы узнаем, что вся страна была усеяна деревнями и городками. Большинство существующих деревень можно проследить до этого времени (в поселениях, упомянутых в «Книге Страшного суда», можно видеть Памятную табличку). Разумно предположить, что появление датского большого топора послужило решающим импульсом развитию лесного хозяйства и сделало возможным более полное использование самых богатых сельскохозяйственных угодий Англии.

Более того, по сравнению с домоседами саксами датчане были торговым и городским людом. Еще до того, как они вторглись в Англию, они уже совершали далекие морские путешествия. У людей, пересекавших Средиземное море и видевших великий Константинополь, не оставалось места суеверному страху, с которым англосаксы все еще относились к римлянам и их творениям. Датчане были как торговцами, так и пиратами, и торговля считалась среди них делом почетным. «Если купец преуспел и трижды переправился через море своими силами, тогда он отныне считается по праву достойным», – доносит до нас ранний закон (это был саксонский закон, но скандинавы ценили торговлю даже выше, чем саксонцы), напоминающий, что классы среди скандинавов, как и среди англичан, основывались скорее на богатстве и социальном положении, чем на крови или унаследованных правах. Датское нашествие привело к повсеместному строительству городов и росту торговли, и ко времени нормандского завоевания города и торговля в Англии достигли уже значительного развития.

---

⁵ «Книга Страшного суда» – свод материалов первой в средневековой Европе всеобщей поземельной переписи, проведенной в Англии в 1085–1086 гг. по приказу Вильгельма Завоевателя.

5. Конец саксонского периода

Три поколения после смерти Альфреда Великого отчетливо демонстрируют вырождение культуры и институтов Англии. Благодаря движению к феодализму произошел практически полный распад родового строя, но английское общество казалось неспособным своими собственными силами пойти дальше определенной точки. Возможно, остановка была лишь временной, но рассуждения на эту тему бесполезны, поскольку промежуток между двумя нашествиями на Англию, сначала датчан при королях Свене и Кнуде, а затем нормандцев, оказался слишком короток, чтобы дать стране время оправиться.

На всем протяжении X в. объединение Англии в единое королевство идет рука об руку с созданием шайр (графств), нередко возникающих вокруг построенных Альфредом или датчанами укрепленных городов. Если более мелкими ранними королевствами могли управлять из единого центра, то административного аппарата, способного охватить всю страну, не существовало, и, хотя шериф (шайра-рив) теоретически нес ответственность перед королем за управление шайрой, фактический надзор из центра на практике был весьма незначительным. Над шерифом стоял олдермен, который управлял группой шайр, нередко примерно соответствовавших какому-нибудь из прежних королевств. И если шериф продолжал оставаться чиновником и впоследствии стал главным звеном в государственной организации, то олдермен, подобно европейскому графу или герцогу, вскоре превратился в слабо зависимого от центра местного магната. Власть олдермена особенно возросла во время непродолжительного существования империи Кнуда, когда Англия являлась лишь частью гораздо большего государства. Усиление власти олдермена совпало с принятием им датского титула графа.

В сфере правосудия также были достигнуты значительные успехи в направлении феодализма, путем делегирования королевских судебных прав влиятельным лицам. Прежняя система судов шайры, сотни и тауншипа действовала успешно только до тех пор, пока какой-нибудь землевладелец данного округа не оказывался настолько могущественным, чтобы оспорить их решения. С появлением влиятельных полуфеодалных лордов авторитет традиционных судов ослаб, и они были дополнены и частично вытеснены предоставлением этим самым лордам права держать собственные суды. Таких прав настойчиво добивались для получения прибыли, которую приносили штрафы. Новый суд по-прежнему использовал старые суровые методы (ордалии) испытания огнем или водой наряду с более новым, но не менее уважаемым методом компургии, или очищения клятвой, в соответствии с которым обвиняемый должен был привести на суд несколько своих односельчан, в количестве, зависимом от тяжести предъявленного обвинения, готовых клятвенно удостоверить суд в его невиновности. Частные суды, всегда являвшиеся одним из наиболее характерных признаков феодального строя, прочно укоренились в Англии к моменту нормандского завоевания.

Другая характерная особенность феодального поместья – это закрепощение крестьян, что становится обычным явлением, за исключением области Денло Данелаг. Датское вторжение имело весьма курьезные двойственные последствия. В самой области датского права вторжение замедлило процесс закрепощения земледельца, тогда как в саксонской части Англии оно его ускорило. Свидетельства «Коллоквиума Эльфрика» (Alfred's Colloquy) – серии диалогов, написанных незадолго до 1000 г. в виде учебного пособия по изучению латыни для учеников монастырских школ Винчестера, – поражают своим предположением, что типичный земледelec не был в то время свободным.

«Скажи, землепашец, как ты работаешь?» – спрашивает учитель.

«О, сударь, я тружусь не покладая рук. Встаю с рассветом, выгоняю волов в поле и запрягаю их в плуг; как ни сурова зима, я не смею остаться дома из боязни перед моим господином; закрепив лемех и резак плуга, каждый день я должен вспахать не меньше акра, а то и более».

«А что еще ты должен сделать в течение дня?»

«Дел очень много. Надо наполнить кормушки волов, напоить их и убрать навоз».

«О, тяжела твоя работа».

«Да, тяжела, ибо я несвободен».

Термины «фримен» (свободный) и «серв» (крепостной) могут привести в замешательство современного человека, поскольку в феодальную эпоху они употреблялись в своеобразном значении. Их можно понять только в связи с владением земель. Человек, не владеющий землей, не был ни свободным, ни несвободным, он не принимался в расчет. (Он, конечно, мог бы быть рабом, но тогда он считался бы своего рода собственностью, а не личностью.) Свободным считался тот, кто имел землю на условиях несения военной службы или какой-либо другой почетной обязанности, или же тот, кто платил денежную ренту. Сервом, или вилланом, считался тот, кто держал землю на условиях выполнения сельскохозяйственных работ на земле своего господина. Он был прикреплен к своему наделу, тогда как фримен мог оставить свою землю и перебраться в другое место или даже в некоторых случаях «забрать свою землю», как тогда говорилось, и напроситься к другому господину. Серв пользовался некоторыми правами, четко определенными обычаем, даже если не всегда юридически защищенными. Одним из следствий нормандского завоевания являлось то, что линия раздела между сервом и фрименом – очень слабо намеченная в саксонской Англии – проводилась теперь по более высокой социальной шкале, и все, кто оказывался ниже этой линии, низводились до самого низкого уровня рабства.

В конце X в. возобновляются набеги скандинавов на Англию под предводительством короля Свена, которому удалось объединить Данию и Норвегию. Предшествующий период в значительной степени заполняют набеги на земли Северной Франции, но после установления сильного скандинавского герцогства в Нормандии центр их нападений перемещается. Богатство и упадок Англии, о котором скандинавы были хорошо осведомлены, снова делают ее самым прибыльным объектом их посягательства. Эти новые вторжения были организованы по хитроумному коммерческому плану: предварительный набег сопровождался требованием уплаты денег в качестве условия отвода войск. Через пару лет вся операция повторялась.

Такая выплата датских денег (Danegeld) производилась в период между 991 и 1014 гг. семь раз и составила общую сумму 158 тысяч фунтов серебром, что в современном эквиваленте составляет не менее 10 миллионов фунтов стерлингов – гигантская сумма для того времени. Когда Кнуд в 1018 г. стал королем и выдал своим воинам денежное вознаграждение, из англичан были вытянуты последние датские деньги в размере 82 500 фунтов. Из этих поборов и выросло первое постоянное налогообложение. В правление Кнуда и нормандских королей налог этот взимался регулярно и послужил основой налога на имущество, составлявшего важную статью доходов всех королей вплоть до эпохи Стюартов. В социальном отношении этот налог также имел ощутимые последствия, поскольку он тяжким бременем лег на плечи земледельца, таким образом еще более ускорив процесс его закрепощения. Соответственно усилилась и власть местных магнатов, которые несли ответственность за сбор налога и использовали эту должность в качестве дополнительного рычага для утверждения своей власти как хозяев земли над теми, кто ее обрабатывал. С этого времени феодальное изречение «нет человека без хозяина» и «нет земли без хозяина» может быть полностью применено к Англии.

Другой характерной чертой этого периода нашествий стало лидерство лондонских горожан в организации сопротивления врагу. Когда центральное правительство Этельреда⁶ бесславно пало, Лондон продолжал стоять непоколебимо. К тому времени город становится уже значительно больше, чем все другие английские города, и начинает появляться в истории прак-

---

⁶ Этельред II Неразумный – король Англии из Уэссекской династии. Слабый правитель, при котором викинги захватили значительную часть Англии и Этельред в 1013 г. был вынужден бежать.

тически как независимая политическая единица. Значение его стало настолько велико, что в 1016 г. ополчение Мерсии отказалось выступить против датчан, «пока они не получают поддержку горожан Лондона». Год за годом Лондон отражал атаки датчан от своих стен и сдался только тогда, когда сопротивление в других местах практически прекратилось. О богатстве Лондона можно судить по тому факту, что при выплате большой суммы датских денег в 1018 г. Лондону пришлось отдать сумму в 10 500 фунтов, то есть более одной восьмой всей суммы, заплаченной всей страной.

Когда в 1018 г. сын Свена Кнуд стал королем Англии, а также Норвегии и Дании, на какое-то время можно было подумать, что будущее Англии связано со Скандинавскими странами, а не с Францией. Однако общественный строй северных народов оставался по-прежнему в значительной степени родовым и не подходящим для создания устойчивой империи. Достигнутое на время политическое объединение этих стран слишком многим обязано было индивидуальным качествам короля и закончилось после его смерти. И только объединение мощи северян с феодальными институтами Франции смогло способствовать развитию постоянной государственной власти.

Дальнейшим шагом вперед при правлении Кнуда стало создание небольшой постоянной армии хорошо обученных профессиональных солдат – хускерлов, которым выплачивалось жалованье. Для феодализма характерна периодически повторяющаяся тенденция превращения феодального и полуфеодального класса воинов (рыцарей и тэнов) в крупных землевладельцев, которые со все большей неохотой несут военную службу. Создание Кнудом войска хускерлов послужило, по существу, сходной заменой феодального рыцаря профессиональным наемником во время Столетней войны. Следует также отметить, что период правления Кнуда Великого знаменателен усилением дома Годвинов⁷, которые поднялись из безызвестности к практически безраздельной власти над всей Англией за пределами Денло.

После смерти Кнуда его сыновья не могли удержать в руках распадающуюся империю, и семейству Годвинов без труда удалось восстановить на престоле старую англосаксонскую линию. Новый король Эдуард Исповедник, проведенный юность изгнанником в Нормандии, был человеком набожным и слабоумным. Возвратившись, он привез с собой целую свиту нормандских монахов и знати, которым роздал лучшие и богатейшие епархии и земли. История его правления представляет собой непрерывную борьбу между нормандским влиянием при дворе и властью Годвинов. Распространением нормандского влияния в Англии и объясняется в значительной степени та легкость, с которой им удалось завоевать ее.

Со временем Годвины одержали верх и установили над королем полный контроль, отчасти подобный тому, который Капетинги осуществляли над потомками Карла Великого во Франции. Вся Англия теперь была разделена на шесть больших графств, три из которых принадлежали Годвинам. Когда в январе 1066 г. Эдвард умер, уитенагемот, или «совет мудрецов», – собрание, некоторыми чертами схожее с тевтонским собранием свободных граждан, а еще более с феодальным королевским советом, – провозгласил королем Гарольда, старшего сына Годвина. Вильгельм, герцог Нормандский, также предъявлял свои права на трон и начал собирать армию, дабы добиться выполнения своих требований.

Покорение Англии нормандцами можно рассматривать одновременно как последнее нашествие скандинавов и как первый крестовый поход. Хотя Вильгельм и был феодальным князем, армия его не походила на феодальную, поскольку состояла из людей, набранных со всех краев и привлеченных обещаниями земли и добычи. Он предусмотрительно обезопасил себя продуманным подбором союзников, заручившись также поддержкой папы римского, что позже послужило причиной многочисленных претензий и разногласий. Армия Вильгельма

---

⁷ Династия Годвиносов (*англ.* House of Godwin) – англосаксонская семья, одна из ведущих дворянских семей в Англии за последние 50 лет до нормандского завоевания.

была невелика – вероятно, около 12 тысяч, – но была обучена новым приемам ведения войны, неизвестным в Англии. Англичане научились у датчан использовать лошадей для быстрого передвижения войск с места на место, но продолжали сражаться пешими, тесно сомкнутой массой под прикрытием традиционной «стены щитов». Главным оружием им служил боевой топор. Нормандцы применяли искусное сочетание тяжелых конников в доспехах и стрелков из арбалетов, что позволяло разбить ряды противника еще издали до начала решающей атаки. Как только стена щитов была пробита, конница бросалась вперед, не давая преследуемому врагу ни малейшей возможности исправить положение. В этом была причина победы нормандцев с военной точки зрения. Политическая причина заключалась в обладании им твердой властью над своими вассалами, тогда как эрлы Мерсии и Нортумбрии оказывали Гарольду открытое неповиновение.

Все лето 1066 г. Гарольд прождал в Суссексе высадки нормандцев. К началу сентября терпение его воинов иссякло, и они стали требовать, чтобы их распустили по домам. Через несколько дней до Гарольда дошло известие, что его тезка, норвежский король, высадился на севере и захватил Йорк. Со своими хускерлами Гарольд спешно устремился на север и 25 сентября наголову разбил захватчиков у Стэмфорд-Бридж. 1 октября ему донесли о высадке Вильгельма в Певенси. Спустя неделю он вернулся в Лондон, где пробыл несколько дней в ожидании сбора ополчения, после чего двинулся к югу и расположился лагерем на меловом холме у Баттла (Баттл-Хилл), откуда виден был лагерь Вильгельма. С тактической точки зрения быстрота и решительность передвижения Гарольда оказались превосходными, а его хускерлы показали себя слаженной боевой машиной. Но стратегически благоразумнее было бы оставаться в Лондоне. К сожалению, только часть фирда успела собрать силы, а хускерлы, единственные, кто мог противостоять кавалерии нормандцев, были измотаны тяжелой победой и двумя маршами, почти не имеющими себе равных в истории того времени.

Однако в любом случае новые методы ведения войны делали победу нормандцев почти неизбежной, и одной битвы оказалось достаточно, чтобы определить судьбу Англии на много веков. Хроника описывает эту битву в словах, ставших формулой, которая почти обязательна при описании сражений английских королей и краткость которой лишь подчеркивает их решительность:

«Весть эта дошла до короля Гарольда, и он созвал тогда большое войско и двинулся к Хор-Эпл-Три, а Вильгельм выступил против него неожиданно, не дав собрать своих людей. Однако король храбро бился с воинами, что пошли за ним, и много людей полегло и с той и с другой стороны. Пал король Гарольд и его братья, эрлы Леофвин и Гирт, и еще много добрых мужей, и французы захватили это место жестокой битвы».

Глава III

Феодальная англiя

1. Нормандское завоевание

В битве при Сенлаке⁸ Вильгельм сломил силу Годвинсонов и открыл для вторжения всю Англию к югу от Темзы. Центральные графства и Север все еще оставались непокоренными, а Лондон и на этот раз образовал центр сопротивления, вокруг которого постепенно стали собираться войска Эдвина и Моркара, эрлов Мерсии и Нортумбрии. Армия Вильгельма была недостаточно велика для прямого нападения на Лондон. Вместо этого он совершил блестящий обходной марш, переправился через Темзу выше Лондона, опустошая всю местность на своем пути, и в конце концов отрезал город от Севера, лишив его всякой надежды на подкрепление.

Лондон сдался, поспешно созванный уитенагемот провозгласил Вильгельма королем, после чего на Рождество он был коронован в Вестминстерском аббатстве. Земли всех тех, кто оказывал поддержку Гарольду или принимал участие в битве при Сенлаке, были конфискованы и поделены между нормандскими соратниками Вильгельма. Остальная часть Англии, признавшая Вильгельма королем, была оставлена нетронутой. К 1069 г. Вильгельм был готов к следующему этапу завоевания, когда Мерсия и Нортумбрия подняли мятеж и получили поддержку короля Дании.

После похода, в котором военный талант Вильгельма проявился в полной силе, союз этот был разгромлен. Завоеватель принял меры для предотвращения подобных восстаний в будущем с такой жестокостью, перед которой меркла свирепость скандинавов. Большая часть Йоркшира и Дарема была превращена в пустыню и в течение нескольких поколений оставалась почти безлюдной. И только в XII в. эти области ожили по-настоящему, когда монахи Цистерцианского ордена превратили склоны Пеннинского хребта в обширные пастбища для овец. Над развалинами сожженных деревень Севера вознесся грандиозный Даремский замок, как бы утверждающий незыблемость нового порядка. За окончательным покорением страны последовали новые конфискации земель и новое распределение их между нормандцами.

Именно с этого момента можно считать, что феодализм в Англии утвердился окончательно. Мы видели, как в таун-шипах Англии постепенно создавалась экономическая база феодализма и как ее политический строй начал принимать феодальные формы еще до нашествия нормандцев. Теперь создание политической надстройки в соответствии с экономическим базисом было завершено с жесткостью и непреклонностью нормандцев. За какие-нибудь несколько лет все земли страны перешли из рук их прежних владельцев в руки Вильгельма Завоевателя.

Неотъемлемой политической особенностью феодального строя является делегирование власти сверху вниз, при этом вся власть опирается на земельную собственность. Король был единым и безраздельным собственником всех земель, он мог жаловать их своим главным арендаторам в обмен за несение военных и прочих служб, а также за уплату некоторых установленных повинностей. Вместе с землей жаловалось также политическое право управлять людьми, обрабатывавшими землю: право вершить над ними суд, взимать налоги и требовать выполнения повинностей. В отношении короля самая важная обязанность его вассалов заключалась в том, чтобы следовать за королем на войну, и вся страна делилась на округа, известные под

---

⁸ Это название гораздо более позднего времени. Дело в том, что место битвы Гарольда тогда не имело конкретного названия.

названием «рыцарских гонораров»⁹ и приблизительно соответствующие прежним владениям тэнов. Каждому из таких округов вменялось в обязанность снаряжать и содержать для армии одного тяжеловооруженного всадника.

Поскольку Англия была покорена за сравнительно недолгий период и политические институты феодализма умышленно насаждались сверху, эта система получила здесь более законченное выражение, чем в большинстве других стран. Повсюду собственность короля на всю землю являлась всего лишь фикцией. Здесь же он владел ею на деле и жаловал ее своим вассалам на чрезвычайно выгодных для себя условиях. Как говорилось в летописи, «король отдавал землю в аренду как можно за более высокую плату; потом приходил кто-нибудь и предлагал больше, чем давал тот, другой, и король оставлял землю тому, кто давал больше... И он не взирал на то, какими греховными способами шерифы взымали ее с бедняков и как много неправды они вершили; но чем больше говорилось о справедливом законе, тем больше вершилось незаконных деяний».

Феодализм теоретически всегда был своего рода договором короля со своими вассалами, но в Англии этот договор более соответствовал действительности, чем в какой-либо другой стране.

Та завершенность, которую приняли формы феодализма в Англии, не замедлила создать в стране предпосылки для государственной организации, переступающей рамки феодальной системы. Она базировалась на могуществе Вильгельма как военного лидера победоносной армии и на до-нормандской организации шайров у саксов. Вильгельм имел возможность раздавать своим сторонникам земли в разрозненных частях страны. На деле он вынужден был так поступать, поскольку страна покорялась по частям, и по мере того, как каждая новая область попадала под его власть, он давал соратникам то, что они считали частью должного вознаграждения за свои труды. По этой причине ни один барон в Англии, каким бы большим количеством земли в целом он ни владел, не имел возможности сконцентрировать крупные военные силы в каком-то одном месте. Более того, во владении самого короля оставалось еще так много земли, что он был несравненно сильнее любого барона или любого возможного объединения баронов. Помимо сотен своих поместий Вильгельм присвоил себе все леса, которые в то время занимали третью часть страны. Вряд ли он поступил так по той причине, что «высоких ланей он любил, как если бы был их отцом». Гораздо вероятнее, что он осознавал огромные возможности развития этих еще неосвоенных пространств.

За исключением Честера и Шрусбери, которые предназначались для сдерживания Уэльса, а также занимающего такое же положение по отношению к Шотландии графства Дарем, находящегося под властью князя-епископа, в Англии не было допущено возникновения крупных княжеств, владельцы которых могли стать полунезависимыми феодальными князьями, как это произошло со многими представителями феодальной знати во Франции. Вследствие чего шериф, представитель центральной власти в каждом из графств, обладал большей силой, чем любой барон в своих владениях. А поскольку не возникало необходимости чрезмерно усиливать власть шерифов, дабы позволить им оказывать давление на местную знать, не возникало и опасности того, что шерифы, в свою очередь, смогут стать независимыми по отношению к короне.

Развитие феодализма в Англии, таким образом, является достаточно уникальным в европейской истории. Изначально государственная власть здесь была более сильной, а влияние феодальной знати более слабым. Междоусобные войны среди представителей знати были скорее исключением, чем правилом, и личные войска и замки находились под ревностным наблюдением короля и запрещались, насколько это было возможно. Несомненно, что действия

---

⁹ В феодальной англо-нормандской Англии и Ирландии гонорар рыцаря представлял собой единицу измерения земли, которая считалась достаточной для его поддержки.

королевских приспешников жестоко эксплуатировали массы вилланов и жизнь которых была крайне тяжела. Однако королевские поборы были до определенной степени фиксированными и регулярными, а наиболее жестокие из них ограничивались законом.

Имеются также некоторые свидетельства тому, что английский народ взирал на власть короля как на защиту от своих непосредственных господ – лордов. Когда в 1075 г. бароны, недовольные притеснениями короля, подняли мятеж, Вильгельму удалось создать ополчение, чтобы его подавить. Жестокость, сопровождавшая завоевание, вскоре была забыта крестьянами, которые за долгие годы датских нашествий привыкли к завоеванию и грабежам и которые предпочитали суровую, но твердую власть Вильгельма феодальной анархии, из-за которой они страдали больше всего. Совершенно очевидно, что на практике присутствие чужеземного лорда в поместье было для земледельца куда более тягостно, чем присутствие чужеземца-короля в Вестминстере. И хотя главным противоречием феодального общества является противоречие между крестьянами в целом и их эксплуататорами, включая сюда как баронов, так и короля, были времена, когда король мог использовать крестьянские массы в момент кризиса, чтобы противостоять мятежным баронам, угрожавшим его положению. При правлении Генриха I, когда восставшие бароны попытались посадить на трон его брата Роберта, герцога Нормандского, Генрих вторгся в Нормандию с армией, состоящей в значительной части из саксов, и разбил Роберта и его феодальные войска в битве при Теншбре в 1106 г.

Полуторавековой период между нормандским завоеванием и Великой хартией стал периодом, когда феодализм в Англии существовал в своей наиболее завершенной форме. Однако было бы ошибочно считать, что в эти годы ничего не менялось. Устойчивое представление о Средневековье как о периоде стабильности или едва ощутимых изменений крайне далеко от истины, поскольку не только каждое столетие, но и каждое последующее поколение приносило в жизнь свои характерные особенности и свои значимые изменения. И нельзя, указав пальцем на какую-нибудь дату, сказать: «В это время феодализм в Англии существовал в абсолютной и полной форме».

Весь этот период отмечен непрестанной борьбой между централизованной властью трона и феодальными устремлениями к децентрализации. И хотя основным направлением развития являлось усиление центральной власти, эта власть распространялась в рамках феодальных институтов, определяющих ее характер и ограничивающих ее. Некоторые из действующих сил являлись общими силами в рамках исторических условий, присущими для всей Европы, другие же возникли из особых условий, созданных пережитками дофеодальных саксонских институтов, а также из особенностей географического положения Англии. Теперь нам предстоит проследить ход этой борьбы в истории того времени и наблюдать возникновение и развитие новых классовых групп как на местном, так и национальном уровне.

2. Социальная структура Англии времен «Книги Страшного суда»

Спустя двадцать лет после завоевания Вильгельм отправил почти во все города, деревни и деревушки Англии специальных посланцев, уполномоченных созвать всех влиятельных людей каждой общины с тем, чтобы выслушать их и составить подробное описание экономической жизни страны. Задавались самые разные вопросы: сколько земли? Кто ею владеет? Сколько она дает дохода? Сколько плугов? Сколько нанIMATEЛЕЙ? Сколько рогатого скота, овец, свиней? Перепись эта была крайне непопулярной. «Стыдно даже об этом говорить, но он не считал за стыд это делать», – возмущенно сетует монах-летописец. Тем не менее ничто с такой убедительностью не свидетельствует о полнейшем покорении страны и о могуществе Вильгельма, как составление «Книги Страшного суда» всего через двадцать лет после сражения при Сенлаке. Ни одна страна не знала ничего подобного. Такой переписи одинаково невозможно было бы провести как в Англии саксонского периода, так и в феодальной Франции, и тем не менее у нас нет ни малейшего основания предполагать, что мероприятие это встретило сколь-либо заметное сопротивление со стороны даже самых могущественных баронов.

Перепись преследовала две цели: во-первых, получить сведения, необходимые для сбора гельда или поимущественного налога, и, во-вторых, предоставить королю подробную информацию о размерах и распределении богатств, земель и доходов его вассалов. Для истории этот документ представляет еще большую ценность, поскольку дает нам исчерпывающую, если и не абсолютно точную, картину социальной структуры Англии во время его составления. Сельскохозяйственной единицей экономики служило поместье (манор), наложенное на более ранний тауншип. Не стоит забывать, что страна в то время была еще почти полностью сельскохозяйственной. Некоторыми из этих маноров владел непосредственно король; остальные он даровал своим многочисленным мирским и церковным вассалам. Те, в свою очередь, имели некоторое число субвассалов, которые и являлись фактическими держателями поместий. Каждая деревня, даже самая маленькая и отдаленная, должна была вписаться в эту схему социального устройства, и все общество было разделено на ряд групп, поднимающихся шаг за шагом от серва на самом низу до самой верхушки – короля.

«Книга Страшного суда» подразделяла земледельцев на социальные группы и даже приводила их численность, так что у нас есть возможность привести приблизительные статистические данные о населении, принимая во внимание, что речь идет только о взрослых мужчинах, которые являлись фактическими держателями арендованной земли. Результаты можно представить в следующей таблице:

Социальные группы	Отношение к общему населению, %	Численность, тыс. чел.
Рабы	9	25
Бордари и коттари (малоземельные зависимые крестьяне)	32	89
Вилланы	38	106
Фримены (свободные люди)	12	33

Увеличивая эти цифры в пять раз, чтобы получить среднюю численность крестьянских семей, и принимая в расчет те группы, которые остались невключенными (лорды и их непосредственные вассалы, управляющие манора, священники, монахи и монахини, купцы и ремесленники, безземельные наемные работники и отдельные земледельцы, избежавшие внимания королевских посланцев), мы получаем приблизительную численность всего населения 1,75—2 миллиона человек.

Социальные группы, учтенные в переписи, распределялись по различным частям страны весьма неравномерно. Больше всего рабов было на юго-западе, где их процент от общего населения составлял 24 в Глостершире, в Корнуэлле и Гемпшире – 21, а в Шропшире – 17. В Линкольне, Йоркшире и Хантингдоне о них не упоминается вовсе, в Восточной Англии или восточных центральных графствах их насчитывалось крайне мало. Бордарии и коттарии распределялись пропорционально, только некоторые графства имели более 40 и менее 20 процентов этой группы населения. Вилланы также размещались по стране равномерно, не считая только Восточной Англии и Линкольна, где было много свободных арендаторов, а также Эссекса и Гемпшира, где особенно многочисленны были бордарии и коттарии. Свободные арендаторы встречались только на востоке и в восточных центральных графствах, старой территории Денло. В Линкольне они составляли 45 процентов всего населения, в Суффолке – 40 процентов и в Норфолке – 32 процента. Если в Ноттингеме, Лейстере и Нортгемптоне их проживало внушительное число, то они почти совсем не встречались в остальных графствах. Для удобства близкая к ним социальная группа сокменов также причислялась к свободным.

Рассмотреть эти социальные группы по отдельности и проследить, как изменялась их судьба в последующие поколения, будет, пожалуй, наиболее верный способ изучения социальной истории того периода.

Рабы во времена составления «Книги Страшного суда» становились быстро исчезающей группой. В основном это была домашняя прислуга или пастухи и пахари на господской земле. Лорды считали, что экономически выгоднее нанимать своих личных работников и обрабатывать домениальные земли подневольным трудом сервов. Приблизительно около 1200 г. рабы исчезают, полностью поглощаясь более высокими по положению группами вилланов и коттариев.

Выше уже упоминалось о бордариях и коттариях, которые, по-видимому, были людьми одной и той же группы, включенными в списки в различных частях страны под разными именами. Они держали небольшие наделы, не входившие в общую систему общинных полей. Хотя большинство из них были крепостными, некоторые относились к разряду свободных арендаторов, и, когда в XIV в. началась волна раскрепощения, эта группа стремилась освободиться быстрее, чем вилланы, которые были слишком тесно связаны с хозяйством манора. Многие из тех, кто владел каким-нибудь ремеслом, платили оброки продуктами своего производства – холстами, кузнечными или столярными изделиями, вместо работы на господской земле. Вполне резонно, что положение ремесленников считалось менее рабским, поскольку они работали самолично, а не под надзором управляющих манора.

Вилланы, держатели наделов в общинных полях размером от 15 до 30 акров, являлись тем стержнем, вокруг которого вращалась вся жизнь манора. После нормандского завоевания их повинности были четко регламентированы и зачастую увеличены. Эти повинности делились на два вида: барщина и благотворительная работа¹⁰. Барщина выполнялась в течение определенного числа дней каждую неделю – обычно в течение трех дней. Благотворительную повинность могли потребовать в любое время. Она считалась наиболее тягостной из двух, и от нее

---

¹⁰ Благотворительная работа – усадебная обязанность выполнять такие сезонные работы, как пахота и уборка урожая. Первоначальное значение этого слова было «одоление», но позже выполнение таких работ стало обязательным.

труднее было освободиться, поскольку отрабатывать ее приходилось в самый разгар уборки урожая или стрижки овец, когда труд виллана был необходим как в господском поместье, так и в его собственном.

Ясно, что при таких тяжелых повинностях виллана основную часть работ в его хозяйстве должны были выполнять члены семьи – женщины и дети.

Между вилланами и коттариями существовала тесная связь. Наделами коттариев зачастую владели члены семей вилланов, у которых не имелось своей доли в общинных полях, в то время как наделы коттариев образовывали нечто вроде резерва, из которого можно было пополнить владения вилланов, если они по какой-то причине пустели.

С течением времени эти две группы все более и более объединялись с точки зрения закона под общим именем вилланов или сервов.

Как и рабы, группа свободных людей времен «Книги Страшного суда» постепенно становилась исчезающей. Уже в 1086 г. многих из тех, кто были свободными до нормандского завоевания, стали причислять к несвободным в результате изменения отношения к земельной собственности. Общая тенденция того времени заключалась в том, чтобы считать всякого крестьянина крепостным, если только он не предоставлял неопровержимых доказательств обратного. После составления «Книги Страшного суда» исчезновение свободных крестьян ускорилось, и когда в Англии снова появляется значительное количество свободных держателей небольших земельных участков, то это уже, как правило, не прямые потомки *libri homines* времен «Книги Страшного суда», а вилланы, которым удалось добиться определенной степени свободы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.